

Наталья Солнцева

Свидание в позе лотоса

Артефакт – детектив. Всеслав и Ева

Наталья Солнцева

Свидание в позе лотоса

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Свидание в позе лотоса / Н. А. Солнцева — «Издательство АСТ»,
2021 — (Артефакт – детектив. Всеслав и Ева)

ISBN 978-5-17-119142-9

Привидение поселилось в восточном салоне «Лотос»! Слух о нем всколыхнул мирок скучающих обеспеченных дам. Пошли сплетни, что опасную инсценировку с мнимым привидением придумала сама хозяйка для привлечения клиентов. И ее замысел удался! Заведение стало более чем популярно. Но вскоре одна из сотрудниц салона бесследно исчезает, а придуманный призрак присылает владелице салона предупреждение о новом несчастье – лотос с оторванным лепестком. Хозяйка напугана. Помощница частного детектива Смирнова, Ева, посещает это модное заведение. Ей хочется разобраться в этой трагической и загадочной истории и бросить вызов призраку. Хватит ли сил... Книга раньше издавалась под названием «Сокровище Китеж-града».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119142-9

© Солнцева Н. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Наталья Солнцева

Свидание в позе лотоса

Жизнь потрясающе юмористична... потому что в ней вы видите богов, притворяющихся нищими.
Ошо

Глава 1

Петр Гушин работал в салоне «Лотос» охранником. Он приходил вечером, когда клиенты и сотрудники расходились по домам, включал телевизор и смотрел все подряд – фильмы, шоу, спортивные программы, – пока его не одолевал сон. Работа ему нравилась: тихо, спокойно, комфортно. Только в последнее время начали происходить какие-то странные вещи. Петр старался не обращать на них внимания.

Они со вторым охранником Володей дежурили по очереди – через ночь.

– Ты как себя чувствуешь, когда один остаешься? – как бы между прочим поинтересовался Владимир. – Не боязно?

– Чего бояться-то? – удивился Гушин. – Денег тут больших нет, ценностей тоже. Не банк ведь – женский салон. Кто сюда сунется?

– Я не о том... – отвел глаза Володя. – Ты ничего такого... не замечал?

– Чего *такого*?

Володя замялся.

– Ну... всякое болтают...

– А ты не слушай! – рассердился Гушин. – Не хватало еще нам с тобой бабские сплетни поддерживать!

– Я вчера еле утра дождался, – со вздохом признался Володя. – С вечера пришел, только сел футбольный матч смотреть... слышу истошный крик. Выбегаю в холл... там эта уборщица, Дуся... вопит и трясется вся. В чем дело? – спрашиваю. Что случилось? А она показывает в сторону коридора и за горло держится, как будто ее душили... Я бегом по коридору, туда, обратно... никого. Принес уборщице воды, она выпила, отдышалась и говорит... что видела женщину, одетую в красное...

– Может, кто из клиенток задержался?

– Я все проверил, – покачал головой Володя. – Никого не было. Дуся ушла домой, а мне не по себе стало. Сижу – и к каждому шороху прислушиваюсь... даже футбол меня отвлечь не может. Хотел вздремнуть... какое там! Только глаза закрою... то скрипнет что-то, то треснет... и до того жуть берет... Вот, иконки принес. Мать дала, велела поставить тут у нас. Не мешало бы еще святой водой все побрызгать.

– Ты в своем уме? – возмутился Гушин. – А попа вызвать не надо? Чтоб он молебен очистительный прочитал, помахал всюду кадилом?

Володя пожал плечами. Предложение пришлось ему по душе.

– Может, и надо, – сказал он, расставляя иконки на шкафчике для одежды. – Самоубийцы долго не находят успокоения... все бродят и бродят... ищут чего-то. И вообще, я ходил к хозяйке салона, попросил у нее ароматические свечи. Приду на дежурство, зажгу... мне будет приятнее. Говорят, призраки огня не любят, он их отпускает.

– Только не здешний, – засмеялся Гушин. – Дама в красном сама не прочь со свечой прогуляться по темным коридорам. Если верить слухам, конечно.

– А ты веришь?

– Водочки употреблять меньше надо, Володя, – серьезно ответил Гушин. – И травку желательно не курить на ночь. Тогда никакие призраки не страшны.

– Я не курю, – обиделся Володя. – И не напиваюсь до чертиков!

Он был моложе Гушина, поменьше ростом, но крепкий, широкоплечий, с хорошо развитыми мышцами, и расписываться в собственной трусости ему было неловко. Но... видать, допекло парня.

Гушин добродушно похлопал его по плечу.

– Ладно, приноси святую воду, – пошутил он. – Вреда не будет. Ты, главное, сам облейся как следует, охлади горячую головку! Ха-ха-ха! Ха-ха!

Однако слова Володи действовали на него сильнее, чем он ожидал. Оставаясь в салоне один, Гушин невольно начинал ощущать беспокойство, прислушиваться. Сидеть, как раньше, спиной к открытой в коридор двери он не мог и передвинул кресло ближе к стене. Время от времени, особенно после двенадцати, охранник чувствовал неприятную тяжесть в затылке, навязчивое желание оглянуться. Сон пропадал, и ночь напролет Гушину приходилось развлекаться телевизионными передачами, щелкая пультом и проклиная «нечистую силу».

В призраки и тому подобную чепуху он не верил, но... береженного бог бережет.

Однажды под утро, когда Петру с трудом удалось задремать, он увидел сон – танцовщица в красном шелковом наряде, в золотых украшениях, звеня браслетами и ритуальными колокольчиками, бродит по салону – из комнаты в комнату, потом по коридору к комнатухе охраны... приближается к Гушину... наклоняется... Могильный холод сковывает его члены, сердце замирает, он поднимает глаза и... вместо прекрасного лица видит белую мертвенную маску, искалившуюся в дикой улыбке... Жуткий крик вырывается из его горла, он дергается, просыпается... и действительно слышит вопль, только женский.

Гушин, все еще сонный, вскакивает, бежит на крики и натывается в коридоре на уборщицу Катерину, которая едва не сбивает его с ног.

– А-а-аа-а! – вне себя от ужаса, орет она. – А-а-а-ааа...

Охранник схватил ее за плечи, встряхнул. Глаза Катерины приобрели более осмысленное выражение, она закрыла рот и жестом показала в сторону подсобки.

– Что случилось? – зло спросил Гушин. – Ты как здесь оказалась?

– Так... утро уже... – стуча зубами, выговорила она. – Я убираться пришла... сегодня моя очередь.

– Чего орешь как резаная?

– Там... там... – Катерина вздрогнула. – Она...

– Кто – «она»? Где? – еще больше рассвирепел Гушин, чувствуя, как ее страх передается ему.

– Там...

Охранник побежал по коридору, свернул вправо и оторопел... что-то, похожее на женскую фигуру в красном, притаилось в углу... Преодолевая страх, Гушин рванулся вперед и схватил «призрака». У него в руках оказалось красное кимоно, забытое кем-то из клиенток. От него шел слабый запах духов. Кимоно было накинуто на подставку в виде дракона, которые стояли в салоне по всем углам.

– Ф-ффу-у... – выдохнул Гушин, ощущая, как липкий пот течет по его спине. – Ну и напугала, дура! Иди сюда! – гаркнул он.

Катерина робко приблизилась, бледная и дрожащая.

– Вот твой призрак! – заорал охранник, размахивая перед ней красным кимоно. – С ума с вами сойдешь, дурехи чертовы!

Уборщица ойкнула и попятилась. Она уставилась на кимоно в руках Гушина, не в силах отвести глаз. Он плюнул, бросил кимоно на пол и зашагал к себе.

– Вот дурачье! – сердито ворчал он. – И Вовка туда же! Икон наташил, бутылок со святой водой! Так и самому тронуться недолго... Уже кошмары начали сниться!

У Гушина пересохло в горле. Он окинул взглядом комнату в поисках минералки. Не найдя ничего лучшего, он налил в пластиковый стаканчик святой воды и выпил. Вода была тепловатая, с привкусом ладана.

Охраннику полегчало. Он посмотрел на часы и заторопился. Днем Гушин дежурил в супермаркете на соседней улице.

– Ты куда? – испуганно спросила Катерина, хватая его за руку. – Я здесь одна не останусь!

– Уже половина восьмого, – разозлился он. – Сейчас администратор придет!

* * *

Ева Рязанцева была прекрасной хозяйкой. Она хлопотала на кухне, напевая, порхая от стола к плите, и все у нее получалось как бы само собой. Мясо покрылось румяной корочкой, оставаясь внутри мягким и сочным; пироги подошли и отлично испеклись; грибной соус благоухал на всю квартиру; грушевый компот остывал на подоконнике.

Расставшись с мужем, она захотела начать все сначала, полностью изменить свою жизнь. Из прошлого Ева оставила только любовь к домашнему хозяйству и свою профессию – преподавание испанского языка. Остальное она решила безжалостно истребить в себе, начиная с внешности. Первой жертвой «террора» стала ее роскошная пшеничная коса, которая раньше составляла едва ли не главную Евину гордость. В парикмахерской, куда Ева пришла обрезать косу, ее долго отговаривали, убеждали не губить редкую красоту и «сохранить индивидуальность». Рязанцева была непреклонна.

– Мои прежние убеждения, вкусы, манеры и наклонности принесли мне много вреда, – заявила она. – Я хочу покончить с этим.

Выйдя из парикмахерской, она с облегчением вздохнула, как будто сбросила некое тяжкое бремя. Пышные, чуть выющиеся волосы свободно рассыпались по плечам, сразу превратив Еву из печальной «прекрасной дамы» в легкомысленную, весьма привлекательную круглолицую особу. Рязанцева посмотрела на свое отражение в витрине супермаркета и пришла в восторг. Прежняя Ева – мечтательная, романтическая и доверчивая, «идеальная жена» и обманутая любовница – перестала существовать. Ее сменила...

А вот с этим оказалось сложнее. Получалось, что отречься от прошлого намного проще, чем создать новый, принципиально иной образ.

Ева пришла домой, разделась и робко приблизилась к зеркалу. Оттуда на нее смотрела тридцатилетняя женщина, умудренная опытом, утомленная жизнью, разочарованная в любви, грешная, незнакомая... Модная прическа придавала ей некий неуловимый шарм двойственности – кокетливые локоны обрамляли растеряннo-серьезное лицо. Ева точно знала, какой она быть не желает. Но кем она собирается стать?

– Я буду ваять тебя заново, – сказала Ева своему отражению в зеркале. – Как Пигмалион ваял Галатею. Я создам тебя, как Леонардо да Винчи создал Мону Лизу, заставив весь мир разгадывать тайну ее улыбки. Излишняя простота женщинам вредна, она их портит, как чрезмерно яркий свет – произведение искусства. Рембрандтовский полумрак, полутени, тициановское золото... вот то, что нужно. Раздетая натурщица, выставленная на всеобщее обозрение, вместе с загадочностью теряет половину своего обаяния.

И Ева принялась за осуществление задуманного. Поскольку внутренние метаморфозы гораздо менее заметны, она взялась за внешние. Коса была отрезана, и теперь следовало заняться фигурой.

– Похудеть! – решила Ева. – По какой-нибудь экзотической методике! Вульгарная диета, шейпинг и тренажерный зал не для меня. Это будет противоречить моему новому имиджу.

На ловца, как известно, и зверь бежит. Секретарша из российско-испанской фирмы, которая брала у Евы уроки языка, посоветовала обратиться в восточный салон «Лотос», расположенный недалеко от метро «Ясенево». Добираться далековато, но зато экзотики хоть отбавляй.

Ева после выяснения обстоятельств гибели Матвеева, бывшего любовника, и той роли, которую играл во всей этой грязной истории ее муж, Олег Рязанцев, сразу ушла из дома¹. Квартиру, вещи, тряпки – все бросила, не задумываясь, одержимая одним стремлением – прочь из-

¹ Читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Венера и Демон».

под одной крыши с супругом. Сначала рухнула «идеальная семья», а потом приказала долго жить «идеальная любовь». Последствия таких потрясений не могли не сказаться. Тонкая, нежная натура Евы давала трещину за трещиной, пока не оказалась у опасной черты. Выручил Еву частный сыщик Смирнов, с которым ее свела судьба при расследовании убийства Матвеева. Он предложил пожить некоторое время у него, прийти в себя, осмыслить прошлое и набраться сил для того, чтобы посмотреть в лицо будущему. Ева согласилась. У нее не было особого выбора. Она смертельно боялась Олега Рязанцева и возможных осложнений с разводом. Все-слав Смирнов помог ей расстаться с мужем без эксцессов – он о чем-то там намекнул Рязанцеву, и тот сдался.

Олег не препятствовал разводу, но Еве до сих пор страшно было вспоминать его взгляд, которым он смотрел на нее при последнем разговоре, – холодный, полный затаенного бешенства и жажды мщения. С того дня они больше не встречались. Наверное, Олег смирился с неизбежным, остыл. А Ева все еще не могла без дрожи думать о нем. Ей бы не помешала психологическая разгрузка, какая-нибудь эффективная техника расслабления, и тут салон «Лотос» оказался как нельзя кстати.

Прошел год с тех пор, как Ева перешла жить к Смирнову. Они занимали разные комнаты в просторной трехкомнатной квартире и поддерживали теплые дружеские отношения. Впрочем, не стоит лукавить. Смирнов был влюблен в Еву и старался расположить ее к себе, вызвать ответное чувство.

Услышав о салоне «Лотос», он обрадовался. Наконец-то у Евы появится новое увлечение! После развода она вела жизнь затворницы, ничем не интересовалась, кроме работы и книг по искусству – благо у Славки два книжных шкафа были забиты альбомами, музейными каталогами и толстыми трудами по истории искусств. Книги собирала его мама, ученый-историк, всю жизнь проводившая на колесах: если не в археологических экспедициях, то у таких же одиноких подруг, захваченных исследованиями истории Древней Руси. Сейчас мама жила в Суздале, изучала древнеславянские рукописи. Славка написал ей о Еве и получил в ответ радостное письмо, в котором мама выражала надежду, что ее непутевый сын наконец остепенится и начнет размеренную семейную жизнь.

«Как бы не так! – подумал Смирнов, читая мамино послание. – Слово „семья“ при Еве лучше не произносить. Так же, как и „любовь“. Передо мной стоит непростая задача – завоевать чувство женщины, которая и слышать не желает ни о каких ухаживаниях».

Первое время Ева забросила уроки испанского, почти не выходила из своей комнаты, питалась чаем и бутербродами, плакала, спала, снова плакала. Казалось, ее горю не будет конца. Но тихая, теплая московская осень облегчила ее боль. Славка чуть ли не силой вытаскивал Еву в Сокольники, в Измайлово, за город. Осенний лес, горящий золотом и багрянцем, полупрозрачный от солнца и сентябрьского неба, ронял листву под ноги гуляющим. Пахло грибами. Ветки рябины гнулись от красных ягод. И так грустно и хорошо было на душе от этой пронзительной синевы, от этого пьяного воздуха, так сильно, горько пахли облетевшие листья, что нельзя было отказаться от надежды на счастье, на новое дыхание жизни, на что-то несбыточно-прекрасное, свежее, как это золотое лицо осени...

Когда зарядили холодные обложные дожди, Ева уже начала оттаивать. По вечерам она ждала Славку с работы, стоя у окна. Потом они вместе ужинали. Готовить приходилось ему, но он привык. Бесконечные мамины разъезды, суворовское и десантное училища, служба в спецназе закалили Смирнова, выработали у него терпимое и простое отношение к быту. Он умел все – готовить еду, стирать, наводить порядок и заботиться о близких. Главное – это было ему не в тягость, а в радость.

Ева неохотно поддерживала разговор, но постепенно их беседы за чаем становились все более и более долгими, откровенными. Смирнов действовал осторожно, как сапер на минном поле, опасаясь сделать неверный шаг. Потихоньку-полегоньку он выуживал у Евы слово за сло-

вом, признание за признанием. Она выдавливала свою боль по капле, скупно, словно боялась расстаться с ней. Капли сливались в ручейки, которые в очередной дождливый вечер разразились бурным потоком рыданий, жалоб, проклятий и смеха. Такого «водопада» сыщику до сих пор видеть не приходилось. Он убедился, что Ева – женщина воистину необыкновенная, которая и плачет, и смеется со вкусом и знанием дела.

Однажды, случайно заскочив днем домой, Славка застал Еву за уборкой. Она надела синий мамин фартук с оборками, вытащила пылесос, швабру, вьетнамский веник с длинной ручкой и принялась выскребать отовсюду пыль, до которой у хозяина не доходили руки. Жизнелюбие Евы пускало первые робкие ростки.

Вскоре она взяла на себя обязанность готовить еду и делала это с таким вдохновением, что через месяц сыщик заметил изрядный слой жирка на своей талии. Он с трудом застегнул джинсы и дал себе слово возобновить утренние пробежки.

Ева со странным, даже болезненным удовольствием погрузилась в мир искусства и древней истории. Славка понимал, что таким образом она пытается отгородиться от жизни, забыть о нанесенных ей ранах. Она словно ждала чего-то, как куколка ждет первых теплых деньков, чтобы превратиться в бабочку.

Ева продолжала давать частные уроки испанского, в основном по вечерам, и теперь ее общение со Смирновым ограничивалось выходными днями. Сыское дело не знает суббот, воскресений и праздников, поэтому Славка старался каждую свободную минутку уделить Еве. Он покупал ей разные женские мелочи, сладости, цветы, водил на художественные выставки и театральные премьеры. К театру Ева оставалась равнодушной и призналась, что смотрела спектакли, только чтобы не обидеть Смирнова. Выставки же приводили ее в восторг. Она могла часами стоять у какого-нибудь пейзажа или скульптуры, пока сыщик изнывал от скуки.

– Тебе нравится? – спрашивала она, оторвавшись от очередного шедевра. – Смотри, какие линии, какое смелое сочетание красок!

– Мм... – многозначительно отвечал Смирнов, подавляя зевоту. – Ничего вещаца.

– Что бы ты понимал?! – воздевала она руки и тащила его пить шампанское с мороженым.

У нее появилась новая страсть – шампанское с мороженым – и новый стиль одежды – «персидские» шелковые и бархатные наряды: шаровары, штанишки в обтяжку, блузки с широкими рукавами и длинные накидки. Пожалуй, она пока что не рискнула приобрести только тюрбан.

Блиzkих друзей у Всеслава не было. Приятели, бывшие сослуживцы, бывшие сотрудники охранных фирм, где ему довелось поработать, – вот и весь круг знакомых. Пару раз он пытался пригласить Еву в гости к одному из приятелей, но она вежливо отклоняла его предложения.

– Прежде и ходить в гости, и принимать гостей было традицией семьи Рязанцевых, – сказала она. – Я хочу искоренить все, что напоминает мне о прошлом. И это тоже.

– А почему ты после развода оставила фамилию Олега? – не очень тактично спросил Всеслав.

– Как предупреждение. Чтобы впредь не угодить в похожий капкан. Вот ты, например, разве не собираешься меня использовать?

– Каким образом? – растерялся сыщик.

– Ну... в качестве домохозяйки, например, или сексуальной партнерши. У тебя есть женщина?

– Н-нет...

– Вот видишь?! Мужчине твоего возраста воздержание противопоказано. Значит...

– Ничего это не значит! – возмутился Смирнов. – Мужчины и животные – не синонимы, дорогая Ева. А с домашним хозяйством я прекрасно справляюсь сам. Привык!

– Зачем же ты со мной возишься?

Он хотел сказать, что любит ее, но слова застряли в горле под ее насмешливым взглядом. Да и что такое – «любить»? Если бы его спросили, он бы не смог ответить.

– Ты – наслаждение моей души, – неожиданно для самого себя сказал Славка. – В моем сердце распускаются цветы, когда я смотрю на тебя.

Ева долго молчала, отыскивая в выражении его лица, глаз, в интонации голоса фальшь. Славка так и не понял, поверила она ему или нет. Но с этого мгновения их отношения заметно потеплели и улучшались с каждым днем.

– Я буду называть тебя Всеслав, – заявила она. – Это звучит необычно... по-древнерусски.

– Так и было задумано, – усмехнулся сыщик, радуясь, что опасная черта успешно преодолена ими обоими.

Он уже не представлял себе жизни без Евы, без ее капризов и глупостей, без того, как она напевала в ванной или на кухне, как она расчесывалась перед зеркалом в прихожей, примеряла очередные забавные шелковые шаровары, являясь в них в гостиную и спрашивая:

– Мне идет?

– Тебе все идет! – искренне отвечал Славка.

Сегодня у Смирнова был день рождения, о котором он, как всегда, забыл. Но Ева решила устроить маленький праздник для двоих. Вчера она полдня искала подарок и приобрела интересную вещицу – золотую цепочку с кулоном из ляпис-лазури, на котором красовался египетский иероглиф.

– Что это за надпись? – спросила она продавца. – Мужчине подойдет?

Тот долго рылся в толстой тетради, отыскивая сведения об украшении.

– Подойдет, – наконец сказал он. – А чем ваш мужчина занимается?

Ева пожала плечами. Она собиралась получить информацию у продавца, а не рассказывать ему о Всеславе.

Не дождавшись вразумительного ответа, тот принялся расхваливать камень.

– Ляпис-лазурь, синий драгоценный камень с золотыми крапинками, символизирует небосвод и звезды, – затараторил продавец. – У египтян считался священным камнем; из него изготавливались царские украшения, обеспечивающие их носителю защиту солнца и неба. Синий цвет был цветом богов, особенно Амона-Ра. Такой амулет, как вы изволили выбрать, носили египетские судьи. На нем выбит иероглиф «истина».

– Отлично! – просияла Ева. – Это то, что нужно.

Она заплатила за украшение и спустилась на первый этаж магазина за продуктами. Набрав два полных пакета еды, поспешила домой. Кое-что Ева приготовила с утра, и теперь можно было не волноваться. К приходу Всеслава она все успеет.

Глава 2

Варвара Неделина, хозяйка восточного салона «Лотос», находилась в крайнем раздражении. Два японских деревца не желали приживаться на московской земле и чахли, несмотря на неусыпные заботы садовника; травка росла не ровным зеленым ковром, как на картинках ландшафтных журналов, а клоками, и вообще...

– Ведь это черт знает, что такое! – возмущалась Неделина, отчитывая садовника. – Ты, Саша, двойную порцию семян перевел, а толку нет! Ну, погляди, разве это трава? Это же выжженная степь, по которой проскакала монгольская конница!

– Почва для ваших семян неподходящая, Варвара Несторовна, – лениво возражал садовник, привыкший к разносам. – Говорил же, лучше наши семена покупать, русские, для средней полосы. Так вам все японское подавай! А японское в Москве-то расти не желает. Вы денег небось уйму выбросили за эту экзотическую травку и сердитесь теперь. А я не виноват...

– Хватит, Саша! – закатила глаза Неделина. – Я все твои оправдания уже наизусть выучила. У нас *восточный* салон, а не подмосковная дача! Понимаешь разницу?

– Вы это траве объясняйте, а не мне. Я все сделал по инструкции.

– Ладно, ступай! – потеряла терпение Варвара. – Сил моих больше нет с таким олухом разговаривать!

Садовник вышел из хозяйкиного кабинета и, насвистывая, отправился во двор, подстригать особым образом вечнозеленые кустики, которые, слава богу, привезли не из Шри-Ланки, а с Дальнего Востока.

Неделина посидела немного за столом, сжав ладонями виски, потом встала и подошла к окну.

Обнесенный высоким кованым забором дворик не желал превращаться в райский уголок, где между живописных камней журчали бы мини-фонтанчики, а в круглом водоеме цвели бы огромные ароматные лотосы. Оказалось, что большие лотосы водятся только в южных странах, а в Москве ничего, кроме мелких цветков, похожих на кувшинки, не вырастишь. Да и те чахнут.

– Им воздух чистый нужен, грунт специальный, обогащенный илом, – пытался растолковать Неделиной садовник Саша. – А вы хотите в черте города, среди бетонных многоэтажек создать такую долину Нила! Да тут из-за смога бензинового и промышленных выбросов сорняки с трудом выживают, не то что лотосы.

– Что ж ты мне прикажешь, крапивой двор засадить? – негодовала Варвара.

Спор заканчивался тем, что Саша пожимал плечами, сплевывал в кустики и шел заниматься своими делами – подкармливать южную растительность, чистить водоем, копать ямки для новых экзотических растений, которым предстояло обжиться в суровых условиях московского климата.

– И не плюйся! – кричала ему вслед Неделина. – Я запретила плевать на территории салона!

Она бы давно уволила строптивного садовника, но Саша Мозговой был прекрасным специалистом. Ему удавалось все-таки выращивать какие-никакие лотосы если не во дворе, то внутри помещения, в специальной теплице, где повсюду зеленели в кадках пальмы, фикусы, кактусы, лианы, японские деревца, декоративный бамбук и прочие восточные редкости.

Варвара устроила свой салон в бывшем помещении детского сада, выкупленного ее мужем, достаточно обеспеченным деловым человеком. Неделин занимался посреднической деятельностью в области бытовых электроприборов, имел несколько огромных оптовых складов и целую сеть мелких, разбросанных по пригородам. Он не был сказочно богат, но крепко

стоял на ногах и мог позволить себе приобрести для горячо любимой жены помещение недалеко от метро, чтобы она могла реализовывать свои амбиции.

Она давно мечтала о чем-то таком – стать хозяйкой шикарного салона для избранных, где бы изысканность сочеталась с утонченной философией не только телесной, но прежде всего духовной красоты. И супруг с радостью предоставил ей такую возможность.

Его бизнес хорошо развился, приносил солидный доход, так что покупка здания, выделение денег на ремонт, оборудование и содержание штата служащих особо не напрягли Ивана Неделина.

– Тебе надо чем-нибудь заняться, Варенька, – сказал он жене. – Салон – это прекрасно. Я открою для тебя специальный счет в банке и периодически буду его пополнять, чтобы ты не чувствовала себя зависимой и могла устраивать все по своему вкусу.

И правда, участие супруга ограничилось первоначальным взносом и последующей финансовой подпиткой. Иван предоставил «обожаемой Вареньке» полную свободу. За три года он побывал в салоне только один раз – на открытии, сдержанно хвалил восточные изыски, необычную китайско-японско-индийскую кухню и с разрешения супруги около десяти вечера уехал домой, не дождавшись великолепной ночной церемонии Поклонения Лотосу.

В тот памятный день Варвара решила, что салон должен иметь свои собственные традиции. Именно на традициях держится интерес клиентов к посещению подобных заведений. И чем эти традиции экстравагантнее и загадочнее, тем более сильный интерес они возбуждают. Ее недюжинная фантазия, ранее не имевшая применения, получила возможность выхода. Чего-чего, а разных восточных выкрутасов хозяйка салона напридумывала великое множество, от редкостных, почти неизвестных духовных практик, не менее редкостных женских видов единоборств, всяких чайных и прочих ритуалов до особой лотосовой диеты, призванной сохранять вечную молодость и здоровье, а также способствующей избавлению от лишнего веса. Но главной достопримечательностью салона была все же ночная церемония Поклонения Лотосу, которая должна была повторяться ежегодно в день (вернее, ночь) открытия.

Салон, разумеется, предназначался для обеспеченных представительниц прекрасного пола, особенно падких на разные модные практики и диеты. Неделина сделала ставку на это пристрастие избалованных, пресыщенных женщин к пикантным развлечениям, к изысканной «щекотке нервов» и не ошиблась.

Она сама вдоволь наскучалась в четырехкомнатной московской квартире, изнывая от безделья и непонятного томления души, которая желала, чего-то такого... этакого... В деньгах Варвара не нуждалась, так как вышла замуж за обеспеченного человека; домашнее хозяйство вела приходящая домработница; сын почти вырос – ему шел шестнадцатый год, и он не требовал ежечасной, ежеминутной материнской опеки. Супруг потолстел, облысел и полностью погрузился в свой разросшийся бизнес. Иван по-прежнему души не чаял в «дорогой Вареньке», но тоже по-другому, не так, как в молодости. Неделин был старше жены на двенадцать лет, и с годами эта разница становилась все более заметной. Не столько внешне, сколько внутренне. Иван вроде бы остепенился, устоялся в своей любви к жене, которая после свадьбы приобрела характер скорее отцовской привязанности, нежели пылкости любовника. Охватившее Неделина влечение к Вареньке – замечательной красавице улеглось, и супружеские ласки никогда не достигали той высокой степени страсти, которая воспевалась в стихах и романах. Но до сих пор Варвара ни о чем не жалела. Она и сама не обнаружила в себе темперамента вакханки, и редкий «тепловатый» секс представлялся ей единственно возможным выражением чувств.

Зато она жила за Неделиным как за каменной стеной, не зная ни нужды, ни забот, ни душевных потрясений. Окончив кооперативный техникум в Кинешме, юная Варенька два года проработала продавцом в универмаге, и на этом ее трудовая деятельность закончилась.

Иван любил отдыхать на Волге. У него в Кинешме был дом, оставшийся ему от деда. Неделин предпочитал тихую жизнь на реке, рыбалку домам отдыха и морским курортам. В Кинешме судьба столкнула его с Варенькой. Покупая рыболовные снасти, Иван обратил внимание на белозубую, синеглазую, румяную продавщицу с пышными волосами и не менее пышными формами. В Москву они уехали вдвоем. Неделину в то время исполнилось тридцать пять лет, и он, убежденный холостяк и государственный служащий, круто изменил свою жизнь – женился на Вареньке, пустился в свободное плавание частного предпринимательства.

И то и другое удалось на славу.

Спустя более десятка лет размеренной супружеской жизни пришла пора что-то менять Варваре. Она открыла восточный салон «Лотос» и теперь готовилась праздновать его трехлетие.

Стоя у окна, Неделина созерцала творение рук своих – японско-индийский дворик бывшего детского сада, где живописно сочетались нагромождения камней, корявые низкорослые деревца, «природные» ручейки и водоем с мелкими лотосами.

Смешение стилей всегда было ее коньком.

* * *

– Что это? – удивился Смирнов, когда Ева торжественно подошла к нему с амулетом из синего камня.

– Ляпис-лазурь, – невозмутимо ответила она. – Обеспечивает владеющего им защитой солнца и неба.

– Ты себе купила?

– Нет, тебе.

Всеслав не смог скрыть изумления, как ни старался.

– Мне? Но... это женское украшение!

– Ничего подобного, – возразила Ева. – Видишь иероглиф? По-древнеегипетски он означает «истина». Такие камни носили на шее египетские судьи.

– Я не судья...

– Ты – охотник за истиной. И вообще, подарки не обсуждают! – Она надела цепочку с камнем ему на шею и отошла, любуясь. – А тебе идет!

Всеслав с глупым выражением лица стоял посреди комнаты, не замечая празднично накрытого стола. Он терпеть не мог всяких побрякушек, но не смел сказать об этом, боясь обидеть Еву. Придется носить дурацкий камень. Хорошо, что цепочка достаточно длинная, кулона не будет видно из-под рубашки.

– Мы что-то отмечаем? – наконец заметил он уставленный кушаньями стол.

– Твой день рождения, витязь Всеслав, – шепнула она, пряча смеющиеся глаза. – Забыл, да?

– Ф-фу-у... – с облегчением выдохнул он. – Я уж испугался. Подумал, у тебя какой-то знаменательный день, а у меня из головы вылетело.

Он легко обнял ее и прикоснулся губами к щеке. Она не отстранилась.

– Садись за стол, именинник.

Ева была довольна. Она в корне меняет привычки. Раньше она обязательно выбрала бы в подарок мужчине галстук, портмоне, перчатки или зонт. Но никак не драгоценный камень на цепочке. Замечательно! И Всеслав, кажется, доволен.

Смирнов целый день провел на ногах и зверски проголодался. Приготовленные Евой блюда казались ему райским угощением.

– Как вкусно! – искренне хвалил он.

– Налей мне водки, – попросила она. – Давай напьемся? Ты ведь еще не видел меня пьяной, Всеслав?

Смирнов подозрительно уставился на нее. Проверяет? Хочет напиться и посмотреть, воспользуется ли он ее состоянием для... А, все равно!

Он налил по полной рюмке себе и ей.

– За прекрасную пьяную Еву...

Они выпили, и Славка снова налил. Пить так пить. Желание дамы – закон для настоящих мужчин.

После пятой рюмки Смирнов понял, почему Адама и Еву изгнали из рая. Таки женщина довела прародителя до греха! И зачем он ее послушался?

– Ты ходила в салон? – спросил он, стараясь оставаться в форме.

– Да.

– И как? Понравилось?

– Цены кусаются, – странно улыбнулась Ева.

Она как будто провоцировала Всеслава, призывно глядя на его губы потемневшими от страсти глазами.

– Платить буду я, – сказал он, борясь с разгорающимся желанием. – Выпьем еще?

– Пожалуй...

Движения Евы стали замедленными и плавными, скулы порозовели; полупрозрачная блузка почти не скрывала полную, округлую грудь, на которой блестела золотая цепочка, гипнотически притягивая к себе Славкин взгляд...

Они выпили, и Ева долго молчала, прислушиваясь к своим ощущениям. Лучше говорить о чем-то, это отвлекает, решила она. Язык плохо слушался.

– Этот «Лотос» – ужасно интересное заведение, – с трудом выговорила она. – Там такие... чудные фрески на стенах... Полное смешение стилей. Ч-чего только нет – египетский бог Ра, Осирис, Исида, индийские Вишну и Брами, Лакшми, вездесущий Будда и даже... А... Афродита... или Венера... ч-черт их разберет! Ока... зывается, в греко-римской ку... культуре... лотос – эмблема богини Любви. В общем, жуткий салат из... из богов, богинь и... ц-цветов *нимфеи*.

– Чего-чего? – переспросил сыщик.

– Нимфея лотус – научное на... звание лотоса, – заплетающимся языком пояснила Ева.

Она была прелестна. Пьяна и чувственна, как персидская дева – роскошная, томная и обманчиво-доступная...

– А кто владелец салона? – спросил Всеслав, чтобы сбить себя с непристойных мыслей.

– Владелица... Красивая женщина Ва... Вар-вара, статная, горделивая... с соболиными бровями и глазами валькирии... Настоящая скифская царица... или княгиня Ольга.

– Странно, – заметил сыщик. – Я думал, ее зовут как-нибудь... Якамото Тахигава, например, или на крайний случай Шри Раджниш Йога. Что-нибудь в этом духе.

– Я тоже так думала, – засмеялась Ева. – И мы оба ошиблись. Ну, мне-то простительно, а вот тебе, великий Ше... Шерлок Хол... мс...

Ее смех перешел в неудержимый хохот. Всеслав шумно вздохнул.

– Когда речь идет о женщинах, ничего нельзя предполагать заранее, – сказал он. – Выпьем еще водки?

– Я хочу шампанского с мороженым!

Смирнов не стал возражать. Он живо представил себе, что будет с Евой после шампанского, и у него голова пошла кругом. Будь что будет – он ловко открыл бутылку и наполнил фужеры.

– За тебя, изгнанница из рая...

– Подожди. – Она поставила свой фужер на стол. – Я забыла что-то важное. После шампанского я уже не вспомню... Хозяйка салона... мы с ней долго беседовали...

– О чем?

– Так, обо всем... Обычная формальность: каждая женщина, выразившая желание посетить салон, приглашается на собеседование в кабинет Варвары.

– Зачем?

– Ну... хозяйка сама рассказывает потенциальной клиентке об услугах, которые можно получить в «Лотосе», о традициях. За-ин-те-ре-со-вы-ва-ет, – тщательно, со значением выговорила Ева. – Должна признать, Неделина прекрасно справляется со своей задачей. Если до собеседования я колебалась, подходит мне ее салон или нет, то после...

– Она очаровала тебя! – усмехнулся Всеслав.

– Вот именно.

– Что ж, молодец. Пьем за скифскую царицу Варвару, которая использует символы Востока на свое благо!

– Подожди... – снова остановила его Ева. – У нас зашел разговор... о тебе. Она так умеет расположить к себе, вызвать на откровенность, что я... сама не знаю, как это вышло. Может, ее красота влияет? Словом, я призналась, что у меня есть близкий друг – частный детектив.

– Не волнуйся, – Смирнов положил свою ладонь на ее руку. – Я не делаю секрета из того, чем занимаюсь. Сказала – и сказала.

Ева подняла на него темные, влажные глаза, обрамленные длинными ресницами, и сыщик почувствовал, что он куда-то улетает... Он убрал свою руку и выпрямился. Ей не удастся соблазнить его, чтобы потом посмеяться или, чего доброго, использовать это как предлог для ссоры. Он не может позволить себе...

– Она попросила меня познакомить ее с тобой, – сказала Ева. – Хочет поговорить.

– Что? – опомнился Всеслав. – Кто хочет поговорить? О чем?

– Неделина, хозяйка салона. У нее какие-то обстоятельства.

– Ты серьезно?

– Ну да, – Ева приподняла скатерть и достала блестящий кусочек картона. – Вот ее визитка, я приготовила, чтоб не забыть.

Сыщик взял в руки визитку. На золотом фоне красовалось тисненное изображение белого цветка, похожего на лилию. Чуть ниже, буквами, стилизованными под японские иероглифы, было написано: «Варвара Неделина, специалист по восточным практикам. Салон „Лотос“. Адрес, телефон, емейл».

– Занятно... – пробормотал Смирнов, засовывая визитку в карман рубашки. – Что может быть угодно сей княгине Ольге? Она замужем?

Ева пожала плечами.

– У Неделиной на руке есть массивное обручальное кольцо, значит... замужем. Наверное.

– Желает проследить за мужем?

– Не знаю. Она меня не посвятила в подробности. Так ты позвонишь ей?

– Я берусь только за дела, которые мне интересны, – сказал Всеслав. – Семейные разборки, любовные похождения и прочая дребедень к ним не относятся.

– Хотя бы послушай ее! – настаивала Ева. – По-моему, она не из тех, кто сходит с ума от ревности. Во всяком случае, на обманутую супругу она не похожа.

Глава 3

Отвратительный нищий сразу бросился Неделиной в глаза. Опять он здесь! Ну, что прикажешь делать?!

– Саша! – закричала она садовнику, который возился у забора, подстригая кусты жимолости и можжевельника. – Иди сюда!

Мозговой выпрямился и обернулся на ее голос. Про себя он называл хозяйку «царица Савская». С его легкой руки прозвище приклеилось к Неделиной, и теперь ее стали величать так все сотрудники салона, правда, между собой, шепотком и с оглядкой.

– Ты слышишь? – горя нетерпением, крикнула она, высунувшись из окна.

Садовник вздохнул, бросил секатор в карман брезентового фартука и пошел на зов.

– Видишь нищего? – понизила голос Варвара, указывая на ворота, куда въезжали легковушки, доставляющие по заказу продукты и товары. – Иди прогони его. Негоже, чтобы наши клиентки с таким пугалом сталкивались. Несolidно!

– Я уж сколько раз гнал, – также понизил голос Мозговой. – Он настырный, как муха осенняя. Отойдет для виду, а потом возвращается. У нас контингент зажиточный, ему сам бог велел просить. Что толку кланчить у тех, кто сам каждую копейку считает? Вот он и повадился сюда.

– Что же делать?

Саша озадаченно почесал затылок:

– В полицию заявить надо.

– Я уже ходила к участковому, – вздохнула Неделина. – У нас, оказывается, попрошайничество законом не запрещено.

– Заплатить надо было менту, они это любят.

– Платила... – еще тяжелее вздохнула Варвара. – Он пришел, поговорил с этим нищим, припугнул, наверное, – и два дня был покой. А на третий это чучело явилось как ни в чем не бывало да ко мне же и пристало. Дай, канючит, тетка, пару рублей на опохмелку, душа горит, сил нет! Пришлось дать, чтоб отстал только. От него такой запах!..

Неделина скорчила такую гримасу, что Саша едва сдержал смех. «Достал» юродивый ценосную особу, прямо как в старину, когда нищим да убогим все дозволялось, самим царям могли дерзости говорить. Любят на Руси богом обиженных, ох, как любят!

– Вы охранникам скажите, и дело с концом, – посоветовал он. – Кто первый на ночь придет, пусть даст этому попрошайке по шее пару раз! Тогда уж он больше не сунется.

Салон «Лотос» предоставлял свои услуги с восьми утра до десяти вечера, а на ночь приходили дежурить по очереди два охранника, Петя и Вова, парни лет по двадцать пять, здоровые, с бритыми головами и вечно недовольными лицами.

– Так ведь он не целый день под забором торчит, – возразила Неделина. – У него графика постоянного нет. Когда хочет, приходит, когда хочет, уходит. Не будут же охранники его караулить!

– Да, задача... – согласился садовник. – По ночам он, надо полагать, не является. И то верно, у кого ночью просить-то?

– Не является, – кивнула Неделина. – Я у ребят спрашивала. Ночью никто и близко к забору не подходит, разве что загулявший прохожий или алкаш какой-нибудь.

– Вот наказание! – сплюнул в кусты Саша.

Хозяйка хотела сделать ему замечание, но сдержалась. Ее внимание отвлекла сцена у входа.

К воротам подъехало такси, из него вышла молодая, элегантно одетая дама. Она явно направлялась в салон. Нищий суетливо подбежал и начал что-то говорить ей, норовя схватить

за руки. Дама брезгливо посторонилась, но нищий не отступал, он следовал за ней по пятам, продолжая ныть и, забегая вперед, заглядывать ей в лицо. Дама не выдержала, выхватила из сумочки кошелек, раскрыла его, бросила в протянутую ладонь оборванца денежную купюру и чуть ли не бегом припустила по дорожке к входу в здание.

– Какой ужас! – прошептала Неделина, поспешно скрываясь за занавеской.

Имидж хозяйки респектабельного заведения не позволял ей высовываться из окон и тем более обсуждать что-либо с садовником. Это – дело администратора.

Вообще-то она не приветствовала раздутые штаты, ограничив число сотрудников семью специалистами. Кроме администратора, в «Лотосе» работали два инструктора по восточным видам боевых искусств для женщин, диетолог, организатор церемоний, массажистка и садовник. Два ночных охранника и две уборщицы считались неквалифицированными членами персонала.

Салон не столько предоставлял услуги, сколько *создавал атмосферу* особого, ни на что не похожего оазиса восточной экзотики, изысканно-утонченной эстетики для тела и духа, возможность оторваться от городской суеты и погрузиться в непривычный, пряный и загадочный мир, уходящий корнями в призрачные туманы тысячелетий.

Варвара отошла от окна и опустилась в кресло. Ей было не по себе. Дело даже не в нищем. Она ощущала приближение грозы в безмятежном на первый взгляд небе. Ничего не предвещало зла, кроме непонятной лихорадки, исподволь терзавшей ее сердце. Приступы беспокойства сменялись моментами депрессии, когда пропадали сон и аппетит, опускались руки и в душу заползала грызущая тоска. Неделина пыталась определить, откуда ей может грозить опасность, и не могла. С мужем у нее сложились ровные, прекрасные отношения, с сыном тоже. Мальчик хорошо учился, занимался английским, ходил на теннис, был здоров и жизнерадостен – словом, не доставлял родителям неприятных хлопот. «Лотос» процветал, доходы росли, количество постоянных клиенток увеличивалось. С этой стороны Варвара не ждала подвоха. А с какой?

Родители? Эту страницу своей биографии она перевернула давно и не собиралась к ней возвращаться. Забыла, как страшный сон.

Неделина появилась на свет в глухой деревеньке под Кинешмой, в семье староверов. Ее девичья фамилия была Гольцова. Отец и мать веровали истово и первого ребенка в семье пообещали посвятить Богу. К этому и стали готовить маленькую Варю, проча ей стезю мученицы, невесты Христовой. В школу и то не хотели ее пускать.

– Чему там тебя научат? – басом гудел отец, кряжистый волжский мужик с бородой до середины груди, с кулаками как кувалды. – Повадкам бесовским?

Но в первый класс Варя все же пошла; при тогдашней власти такого не водилось, чтобы ребенок неучем рос.

«Бесовскими повадками» в семье Гольцовых считалось все, кроме тяжелого черного труда и бесконечных молитв. Нельзя было ходить с непокрытой головой, веселиться, готовить вкусную еду, смотреть телевизор, читать любые книжки, кроме религиозных, танцевать, проводить время в праздности и многое другое. Маленькая Варя начала бунтовать против «божественного порядка» с трех лет, упорно не желая кушать перловку без масла и часами стоять на коленях, бить поклоны.

Так и росла, от наказания к наказанию, рыдая в подушку по ночам, а днем подавляя в себе естественные детские желания – погулять, побегать с деревенской ребятней, искупаться в речке, зимой вытащить из сарая самодельные санки, покататься с крутых гор, надеть вместо ненавистного платка яркую вязаную шапочку, как у других девочек. Рано затаила в себе Варенька мечту вырваться из мрачного дома, убежать куда глаза глядят, уплыть на белом пароходе по Волге вниз, в город, затеряться, чтобы не нашли, не вернули в страшное житье-бытье.

Другим девчонкам снились женихи, а ей – побег из родительского дома. Лелеяла она свою надежду, прятала от всех, знала: проведает – не видать ей вольной жизни. Так и окончила школу. На выпускную вечеринку Варя Гольцова не пошла, родители запретили. Заперли в чулане да велели молитвы читать. Потом, правда, выпустили – скотину обихаживать кому-то надо, огород полоть.

Как Варька до города добралась, про то рассказывать нечего. Почитай, с восьми лет обдумывала да планы строила, каждую мелочь учла: и как затеряться, чтоб отец не нашел, и как устроиться, чтобы никому обузой не быть. Деньги копила несколько лет, прятала под кроватью, за оторванной от пола доской. Уборка в доме – ее обязанность, но она не роптала, радовалась, что никто другой пол мыть не станет, на тайник не наткнется.

Так все по ее замыслу и вышло. В Кинешме голова закружилась от шума, высоких домов, людской толпы. Но зато – воля! Никто тебе более не указ!

Варвара знала, что родители в милицию не пойдут – грех это и бесовство, привлекать к семейным делам служителей закона. А греха Гольцовы боялись пуще всего на свете. Что им жизнь дочери по сравнению с угрозой гнев божий на себя накликать?! И от соседей позор скрыть надобно. Ни к чему это – сор из избы выносить. Гольцовых в деревне не жаловали, обходили стороной. Прознают, что дочка сбежала, злорадствовать будут. Как это – у богобоязненных людей такой непутевый ребенок вырос? Сраму отец не допустит. Поищет сам, не найдет – и на том остановится. Проклянут ее родители за непослушание, это обязательно, да и вычеркнут из памяти. Пусть теперь Бог непокорную Варвару наказывает!

Варька уродилась смышленная, учеба ей давалась легко, и она заранее решила поступить в техникум, получить хоть какое-то образование, найти работу. А там судьба ей поможет. Раз помогла и второй не откажется.

Родителям она все же оставила записку, мол, не ищите меня, ухожу от вас навсегда. И больше о них не вспоминала. Как отрезала.

Отсчет своей жизни Варвара начала с нуля, поставив на прошлом жирную точку. Поступила в кооперативный техникум, по вечерам подрабатывала официанткой в кафе «Волжанка», выжила. Студенты, преподаватели, посетители кафе считали ее красавицей. Она только смеялась, не придавала этому значения. Уже в универмаге, где она работала продавцом в отделе принадлежностей для охоты и рыбалки, стала следить за собой, прихорашиваться. Нравилось ей ловить на себе восхищенные взгляды покупателей. В ту счастливую пору и встретила Варенька с Неделиным. Разница в возрасте ее не смущала – возможность уехать из Кинешмы в Москву, подальше от родной деревни, затмила все недостатки Ивана.

Варвара убедила себя, что полюбит Неделина, а потом... свыклась.

– Может быть, это и есть любовь? – спрашивала она себя поначалу.

С годами этот вопрос приходил ей в голову все реже и реже. В конце концов, большинство женщин выходят замуж по расчету. И далеко не так удачно, как она.

Варвара ни с кем не делилась сердечными тайнами. У нее не было ни близких друзей, ни задушевных приятельниц. Она в них не нуждалась.

В салоне «Лотос» все считали хозяйку счастливой замужней дамой, обеспеченной, избалованной, довольной жизнью.

– Это так и есть! – как заклинание твердила Неделина. – Так и есть!

* * *

Марианна Былинская не могла позволить себе ездить на работу на такси и пользовалась метрополитеном. От станции она шла до салона пешком, компенсируя этим отсутствие утренней гимнастики.

Уже за квартал до «Лотоса» ее охватывало смутное беспокойство – не привяжется ли к ней снова тот ужасный оборванец, который время от времени терроризировал персонал и клиенток дорогого салона. Нищий повадился попрошайничать у ворот во двор, причем от него невозможно было отвязаться, не дав денег. Иногда он пропадал куда-то на несколько дней, и все вздыхали с облегчением. Но оборванец неизменно появлялся на своем посту – с синим испитым лицом, со всеми признаками тяжкого похмелья – и принимался клянчить «на бутылку», обдавая прекрасных дам запахом грязной одежды и перегара.

Беда заключалась в том, что зайти во двор салона нельзя было никак иначе, только через ворота. Калитка отсутствовала за ненадобностью, а лезть через довольно высокий забор дамы не решались. Во-первых, это глупо выглядит, во-вторых, одежда не соответствовала подобным акробатическим трюкам, а в-третьих, пока бы они карабкались вверх, отвратительный попрошайка успел бы прибежать и пристать, как репей. Еще, чего доброго, начал бы за ноги хватать!

Неделина неоднократно ставила на утренних пятиминутках вопрос, как отвадить от салона назойливого нищего, но никакого надежного способа не находилось. Оборванец уходил, потом приходил, когда ему в голову взбредет; он мог отойти от ворот метров на десять-пятнадцать и встречать клиенток там. Пробовали специально ставить у ворот охранника, который отгонял бы от посетительниц нищего, но и эта мера не дала результата. Алкаш просто перемещался немного вверх по улице, ведущей к «Лотосу», и охраннику приходилось гоняться за ним с дубинкой, ругаясь и проклиная паршивца на чем свет стоит.

Марианна работала в салоне диетологом. Она окончила медицинский университет, поработала годик терапевтом в районной поликлинике и поняла, что традиционная медицина – не для нее. Начались мытарства с поисками подходящего места. Она многое перебрала – косметологию, лечебную физкультуру, иглоукалывание, распространение пищевых добавок, фитотерапию – и решила было остановиться на гомеопатии. Для этого пришлось бы переучиваться, но Былинская была к этому готова. И тут, неожиданно-негаданно, ей позвонила Неделина.

– Мне дал ваш телефон знакомый фитотерапевт, – объяснила она. – Вы ищете интересную работу, не связанную с традиционной медициной и все же требующую специального диплома?

– Да, – ответила Марианна без энтузиазма.

Сколько таких звонков оказались пустышкой, очередным предложением стать распространителем товаров компаний, практикующих сетевой маркетинг.

– Я открываю восточный салон для женщин, – сказала Неделина. – Он будет называться «Лотос». Вы изучали диетологию?

– Немного, – соврала Марианна.

В конце концов, она уже столько всего изучала, что освоить еще и науку о рациональном питании не составит для нее труда.

– Приходите ко мне на собеседование, – пригласила будущая хозяйка салона и назвала адрес.

Былинская согласилась. Что она теряет? Не хотелось тащиться в Ясенево, ну да ладно. А вдруг – судьба?

В бывшем детском садике всю шел ремонт, но то, что Марианна увидела, ей понравилось. Часть настенных росписей, изображающих танцующих японских девушек в кимоно, с веерами и оружием в руках, покорили ее.

Неделина тоже произвела на докторшу неизгладимое впечатление. Настоящая русская красавица – белокожая, с нежным румянцем, с выразительными формами и гибким станом, с пышными темными волосами, такими же бровями и ресницами, под которыми горели светло-синие, чуть раскосые половецкие глаза. Чудо как хороша! У Марианны аж дух захватило, когда она вошла в полупустой, гулкий кабинет Варвары. Показалось, с картинки сошла то ли Яро-

славна, то ли Марья-краса... и очень не вязался с ее обликом изящный, рафинированный японский стиль салона.

– Присаживайтесь, – радушно указала на стул Неделина. – У нас тут ремонт, так что извините за временные неудобства.

И они приступили к беседе.

Оказалось, что главное требование к диетологу – побольше экзотики, редкостных кулинарных изысков, диковинных блюд.

– Сможете попотчевать гостей чем-нибудь таким... наподобие рамэн, например, или суси?

Марианна хотела сказать, что эти блюда можно заказать в любом японском ресторане, но благоразумно промолчала.

– Кушанья должны быть приготовлены прямо при гостях, – пояснила Неделина. – Чтобы они могли насладиться не только вкусом, но и самой необычной процедурой приготовления. Это будет одной из традиций нашего салона: еда, которую готовят на глазах у посетителей. Разумеется, в случае необходимости мы будем приглашать приходящего повара. Так что в ваши обязанности входит сама идея, задумка... вы меня понимаете?

Марианна кивнула.

– Ну и контроль над процессом, – закончила свою мысль Неделина. – Это не очень обременительно, я надеюсь?

– Совсем необременительно, – согласилась Марианна, тем более что она в самом деле так считала.

– И главное – чтобы в меню присутствовали лотосы. В любом виде, – добавила хозяйка. – Диеты для снижения веса и омоложения тоже должны быть основаны на лотосах. Это будет нашим эксклюзивным проектом – лотосовая омолаживающая диета! Такого нет нигде в Москве. Как вы считаете?

Былинская долго молчала. Варвара смотрела на нее с торжествующим видом: сумела-таки ошарашить докторшу!

– Разве лотосы едят? – наконец решилась спросить Марианна. – Я о таком не слышала. И где мы их возьмем?

– Подмосковные фермерские хозяйства нам их точно не смогут поставлять, – улыбнулась Неделина. – Будем выращивать сами. В теплице на заднем дворе. Я уже и садовника наняла.

Посетительница смущенно кашлянула, но возражать не стала. Хозяйке виднее.

– Так вы согласны? – спросила она Марианну.

Они с Былинской понравились друг другу – между ними сразу возникла та необъяснимая симпатия, которая притягивает одного человека к другому.

– Душа горит! – завопил нищий у самого уха Марианны, так что она едва не подскочила. – Дай на бутылку, не жмоться! Тебе воздастся! Не оскудеет рука дающего!

Увлечшись воспоминаниями, она не заметила оборванца, который подкарауливал ее за деревьями. Он приблизился к ней вплотную, заглядывал в лицо, сверля нахальными и одновременно умоляющими глазами.

– Отстань от меня, – слабо сопротивлялась докторша, боясь прикоснуться невзначай к грязной, вонючей одежде нищего. – Убирайся!

– Все мы дети божьи... – заскулил оборванец, норовя прижаться к жертве. – Аки агнцы невинные... Подай твари господней на пропитание!

Она отпрянула в сторону, ускорила шаг.

– Какое пропитание? Пропьешь ведь, алкаш чертов!

Нищий шутовски, представляясь испуганным, широко перекрестился, завопил:

– Не извергай из уст слов сатанинских, дочь неразумная! Подаяние бескорыстно и служит спасению души, погрязшей в пороке! Возлюби ближнего своего, как Иисус велел! Не побрезгуй...

Марианне было неловко, что он семенит за ней, трется об ее плечо, о рукав светлого костюма.

– Пропади ты пропадом, – сердито зашипела она. – Здоровенный мужик, а попрошайничаешь. Не стыдно тебе? Почему не работаешь?

– Дай денежку... – продолжал скулить нищий, не реагируя на ее слова. – Дай...

– На, отвяжись только!

Марианна вытащила из кармана заранее приготовленную монету, бросила в протянутую дрожащую ладонь.

– Ма-а-аю... – заскулил оборванец. – Ма-а-аю даешь, алчная твоя душа... Гореть тебе в адском пламени денно и ночью! Грешница...

Докторша увидела спасительные ворота и почти побежала. Внутрь двора нищий не заходил, побаивался. Частная территория все-таки, можно и по шее схлопотать.

Марианна с облегчением перевела дух, замедлила шаг. Проклятый алкаш испортил настроение с самого утра.

В просторном полукруглом холле салона было прохладно, на низком резном столике курились ароматические палочки. Уборщица начищала подставки для светильников в виде драконов с разинутыми пастьми. Она оставила тряпку в пасти дракона и поздоровалась с Былинской.

– Рановато вы, Марианна Сергеевна...

– Работы много, – сказала Былинская. – Праздник на носу. Трехлетие отмечаем, Дуся.

Уборщица, женщина неопределенного возраста, степенно кивнула. Ее бесцветные волосы выбивались из-под платка, застиранный халат был явно не по размеру. Администратор выдал всему персоналу, в том числе и техническим работникам, как он называл уборщиц, спецодежду – красивые синтетические халатики ярких расцветок. Но Дуся упорно не желала надевать такую «справную вещь» во время работы. Администратор даже хотел ее за это уволить.

– Ты своим замызганным видом всю картину портишь! – пытался вразумить он бестолковую тетку.

Дуся только кивала и продолжала делать по-своему. Зато она была безотказна – полы везде вымыть, окна, двор подмести, выйти в неурочное время – и убирала чисто, тщательно, до блеска, не то что ее напарница Катерина. Администратор махнул рукой на ее внешний вид, только приказал уборку производить рано утром, до начала рабочего дня, или поздно вечером. Чтобы не попадаться на глаза клиентам.

Марианна не уставала удивляться, глядя на Дусю, как это женщина может до такой степени запустить себя. Ей можно было дать с одинаковой долей вероятности как тридцать, так и пятьдесят лет – хмурое, поблекшее лицо, тусклые волосы, мешковатая одежда. На улице Дуся выглядела ничуть не лучше, только рабочий халат сменяло темное бесформенное платье. Можно было предположить, что Дуся пьет, но никто от нее ни разу не слышал запаха спиртного.

– Слава богу, что вы пришли, Марианна Сергеевна, – сказала уборщица, снова принимаясь тереть драконов. – Страсти-то какие... Катерина-то опять его видела... домой вот отпросилась, меня вызвали. Охранник ушел, администратор у себя закрылся, едва дождалась вас, живая душа!

– Что случилось? – похолодела Былинская.

Она уже догадалась, каким будет ответ Дуси.

Глава 4

Всеслав Смирнов отправился на встречу с Неделиной исключительно из-за Евы, чтобы она не обиделась.

Ну какое серьезное дело может предложить ему владелица дамского салона с названием «Лотос»? Какую-нибудь дребедень по поводу происков конкурентов или слежки за дражайшим супругом? Еще возможны интриги между сотрудниками. Существует вероятность, что у мадам есть тайный любовник, которого она ревнует и за которым желает установить негласный надзор. Все вышеперечисленное выглядело малопочтенно и неприглядно, не вызывая у сыщика ни малейшего желания перетряхивать чье-то грязное белье и собирать сплетни.

Смирнов брался только за то, что могло представлять для него интерес, причем деньги играли второстепенную роль. Главное – расследование должно было быть сродни горному сла- лому, чтобы дух захватывало, или требовать интеллектуального подхода. Ну а вознаграждение, само собой, предполагалось щедрое.

Иногда сыщик шел на компромисс, когда дело касалось старых знакомых или постоянных клиентов. В данном случае он готов был сделать одолжение Еве.

Варвара назначила встречу на нейтральной территории, в открытом кафетерии «Зебра». Смирнову не пришлось долго искать. Подъехав, он сразу увидел легкую полосатую крышу тер-расы, под которой стояли пластиковые столики. Неделина уже ждала, она сидела в правом углу за столбом, увитым искусственным плющом, и курила. Сыщик без труда узнал ее по описанию Евы.

– Вы позволите?

Он опустился на стул напротив, смутив даму своим внезапным появлением. Она нервно смяла сигарету и, кажется, покраснела.

– Вы Смирнов? – спросила Варвара.

Славка готов был поклясться, что голос «скифской царицы» дрогнул.

– Я пришел раньше на пять минут, – улыбнулся он, разряжая обстановку. – Прошу извинить. Не помешал?

– Вообще-то я не курю, – без улыбки сказала она. – Так, иногда балуюсь. Нервы успокаиваю. Вы застали меня врасплох.

Неделина выглядела потрясаяще, если не считать некоторой растерянности и легкого возбуждения. Она была одета в элегантное бордовое шелковое платье, подчеркивающее достоинства ее фигуры – высокую грудь, полные бедра и гибкую талию. Гладко причесанные волосы уложены валиком, надо лбом и у висков выбиваются непослушные прядки, в ушах красуются крупные гранатовые серьги. Внешне Варвара чем-то неуловимо напоминала Еву. Отчасти поэтому хозяйка салона и доверилась Еве.

– Я готов выслушать вас, – мягко напомнил Смирнов.

– Давайте закажем что-нибудь...

– Кофе, мороженое? Или коктейль?

Она выбрала фруктовый коктейль, а Смирнов заказал себе двойной кофе без сахара.

Летний ветерок приносил с улицы под навес сладкую прохладу. Видимо, где-то рядом цвела липа. На террасе почти никого не было, кроме двух девушек. Они пили пиво и игриво поглядывали на Всеслава, прятали улыбки. Из динамиков доносилась музыка-ретро, что-то из Гленна Миллера.

– Вам нравится Гленн Миллер? – спросил он, чтобы побудить Неделину к разговору.

Сколько можно вот так сидеть и молчать? С другой стороны, не в правилах Смирнова было «давить» на клиента.

– Что? – удивилась она. – А... Гленн Миллер... да, конечно.

– Между прочим, этот знаменитый композитор и джазовый дирижер пропал без вести. Вылетел из Англии во Францию для выступления перед войсками – и все! Больше его никто не видел. Это случилось в последний год войны. Поклонники до сих пор спорят, куда мог деться их кумир.

Варвара посмотрела на него так, словно он уличил ее в воровстве. Странная реакция, однако.

– Вы хотите сказать, он просто и-исчез? Такой известный человек?

– Его одномоторный самолет взлетел, но не приземлился. Впрочем, чему вы удивляетесь? Экзюпери тоже был известным человеком и тоже пропал.

– Да... значит, такое бывает...

Неделина нервничала, видно было, что ей нелегко начать. Она переступала через себя, нарушала какие-то собственные внутренние табу. Но все же решилась. Упоминание о Гленне Миллере и Экзюпери неожиданным образом подействовало на нее.

– В нашем салоне происходит нечто странное, – с трудом вымолвила она. – Случилось... ужасное и непостижимое. Это я виновата. Но... раз вы говорите, что даже известные люди исчезают, значит... такое бывает. Вы мне поможете разобраться в этом... кошмаре?

Даже испуганная и подавленная, она была великолепна. Глаза наполнились слезами, губы дрожали, но это были царственные испуг и дрожь.

– Кто-то пропал? – осторожно спросил Смирнов.

– Да... то есть н-нет... Я совершенно запуталась.

– Начните с самого начала, – посоветовал сыщик. – Когда еще все было хорошо.

Неделина глубоко вздохнула и закрыла глаза. Она пыталась взять себя в руки.

– Ну... мы открыли салон три года назад. Все получилось замечательно – и угощение, и церемония Поклонения Лотосу, и фейерверк. Гости были в восторге, и мы тоже... я имею в виду сотрудников. Но... прекрасное начало – это всего лишь первый шаг. Надо было продолжать. Я... мечтала превратить «Лотос» в нечто необычное, установить традиции, которые привлекали бы клиентов. Одной моей фантазии оказалось недостаточно. Персонал у нас в салоне творческий, молодой... в основном. Я решила прибегнуть к их помощи. Предложила остаться после ночной церемонии, когда гости разойдутся, и посидеть своим коллективом, обсудить в узком кругу дальнейшее развитие «Лотоса».

– Это было в день открытия?

– Скорее в ночь... Да. Я заранее приготовила бумажки, которые раздала всем сотрудникам. Каждый должен был написать, что он придумал.

– Простите... а что они должны были придумать? – уточнил Всеслав.

– Какую-нибудь диковинку, которую можно было бы осуществить в салоне. Что-то нестандартное, будоражащее воображение. Я попросила их не сдерживать своих фантазий, каковы бы они ни были, и разрешила не подписывать бумажки. Чтобы люди не стеснялись. Возможно, чье-то предложение окажется глупым или... неприличным. Мало ли?

– Все согласились?

– Все, – кивнула она. – Разобрали карандаши и принялись писать. Я поставила на стол коробку из-под пряностей и попросила сложить туда бумажки. А сама ушла в свой кабинет, чтобы не мешать. При мне кто-то мог чувствовать себя скованно. Через полчаса пришла Марианна и принесла коробку.

– Марианна? Кто это?

– Наш врач-диетолог. Она сказала, что все устали и пора расходиться. Было уже очень поздно, около четырех утра. Я вызвала для сотрудников такси за свой счет, и сама тоже поехала домой.

– А коробка?

– Взяла с собой. Чтобы утром прочесть предложения на свежую голову. Вот... – Гладкие щеки Варвары покрылись красными пятнами. – Я плохо спала. Проснулась где-то к обеду и сразу взялась за коробку. Мне не терпелось посмотреть, что они там написали. В общем, ничего особенного... Была пара оригинальных предложений, и я внесла их в ежедневник. Но одна выдумка показалась мне довольно удачной. Вы будете смеяться, а мне не до веселья, поверьте. Это было предложение завести в салоне собственное *романтическое привидение*.

Смирнов решил, что он ослышался.

– Что, простите?

Неделина смутилась.

– Не смотрите так, – взмолилась она. – Звучит дико, я понимаю. Но тем не менее тогда мне это пришлось по душе. Бывают же в Англии, да и в других странах старинные замки с привидениями? Между прочим, они пользуются большой популярностью у туристов. Людям нравятся острые ощущения.

– Насколько острые?

– Выслушайте до конца, а потом судите, – вздохнула Варвара. – Я решила воплотить это предложение в жизнь. Долго ломала голову, кто мог придумать такое, но тщетно. Решила вынести тему на общее обсуждение. Кое-кто откровенно потешался, и все же нашлись единомышленники, вызвавшие мне помочь. Это были Марианна и... еще одна женщина, Зинаида Губанова. Мы остались втроем, долго обговаривали детали, спорили. Наконец пришли к согласию, что это должно быть привидение женщины, умершей от любви, что-то в этом роде... Глупо, да?

Сыщик пожал плечами. Умной эта затея ему не казалась.

– Вы собирались дурачить только гостей или сотрудников тоже?

Варвара потупилась, глотнула коктейль.

– Мы решили отомстить им за то, что они осмеяли эту идею, – призналась она. – В шутку, разумеется. Никто не ожидал, что они всерьез поверят. Разве что в первый момент, да и то... они ведь заранее знали, могли догадаться. Мы наметили грандиозную мистификацию. Все должно было произойти, как в хорошей пьесе.

– А кого вы избрали на роль романтического привидения?

– Зинаиду. Она согласилась. Была просто в восторге.

Девушки, которые пили пиво, громко смеялись, так что Славке трудно было воспринимать рассказ Неделиной с должным вниманием.

– Вы меня не слушаете! – рассердилась она.

Это был гнев государыни при виде нерадивого подданного.

– Напротив, я весь поглощен вашей страшной историей, – доверительно перегнулся через стол Смирнов.

– Напрасно иронизируете! – вспыхнула она. – Жаль, что у меня нет выбора. Я не могу довериться кому попало! И в полиции меня слушать не станут.

– Придется вам терпеть мое несносное поведение, – усмехнулся сыщик. – Итак?..

То, что Варвара изложила далее, повергло Смирнова в транс. Он отложил все остальные дела и поехал домой, чтобы спокойно поразмыслить.

* * *

Иван Неделин вставал раньше всех, принимал горячий душ, брился, завтракал в одиночестве и отправлялся на работу. Машина с водителем ждала его у подъезда. Он разваливался на заднем сиденье и всю дорогу до офиса мурлыкал себе под нос незатейливые мотивчики.

Москва в лилово-розовых красках рассвета потрясала его своим величием. Она медленно просыпалась, блестя золотыми луковицами храмов, масляными, ленивыми водами реки, как

заморская великанша, вся в золоте и серебре. Иван пугался ее чрезмерного великолепия, оно подавляло его, напоминало ему о собственной малости и ничтожности. Он казался себе песчинкой, затерянной в каменных складках ее мантии. Город стоял задолго до появления на свет всех его нынешних жителей и будет так же стоять, когда их не станет. Существует ли Неделин или приказал долго жить – Москвы это не касается. Она не только слезам не верит, она не верит ни одному порыву души.

Именно поэтому Иван предпочитал не смотреть в окно. Замкнутый мирок автомобиля, пахнувший кожей и сигаретами, вполне его устраивал. Здесь он был полноправным хозяином: захочет – велит водителю остановиться, захочет – поедет дальше. Захочет – вообще продаст машину другому человеку, а себе купит новую.

Так же он чувствовал себя и в офисе, и на своих многочисленных оптовых складах – хозяином, где всё и все подвластны его воле.

А разве Москва станет его слушать? Она живет по своим законам, ей нет дела до какого-то там Ивана Неделина.

В последнее время он начал сдавать. Этого пока никто не замечал, кроме него самого. Неделин чувствовал странное недомогание: вроде бы ничего не болит, а тело вялое, непослушное, тяжелое, как мешок с цементом. И настроение никудашное. Ничего не хочется, ничто не радует. Варенька и та стала его утомлять. А уж как он ее любил, как боготворил!

Ту встречу в Кинешме, на втором этаже универмага, он до сих пор помнил до мельчайших подробностей. Как увидел ее... и обомлел – неужто такая краса может наяву существовать?! Сердце Ивана рванулось, затрепыхалось, как пойманная птица, и вспыхнуло, загорелось. От того пожара ныне только угольки остались. Если так гореть, и года не протянешь – иссохнешь.

Чтобы потушить то пламя, Неделин бросился в омут с головой. Старый закоренелый холостяк, привыкший все обдумывать, сто раз примеривать, – он в тот же вечер примчался с охапкой цветов и шампанским, упал на колени, обхватил руками точеные, теплые под юбкой ноги Вареньки и помутившимся взглядом пожирал ее лицо. Не отвергнет ли, не прогонит?

– Если не полюбишь, брошусь в Волгу, и поминай как звали! – сказал помертвевшими губами.

И бросился бы! Такое на него затмение нашло, сродни помешательству. Великий соблазн – этакой красотой завладеть, стать единственным ее хозяином, сорвать душистый цветок и унести с собой, в свою каморку, чтобы любоваться до конца, до последнего смертного вздоха.

Насчет «каморки» – это он лукавил, конечно. Тогда уже был чиновником не из последних, имел приличный доход, квартиру в Москве, куда молодую жену привести не стыдно.

Честно говоря, для Неделина до сего дня оставалось загадкой, почему Варенька ему не отказала. Сразу блеснула глазами, зарделась, как малиновая заря, вздохнула кротко и обняла его, прижала к мягкой груди.

– Уедем вместе! – сказала. – Завтра.

Он был на все готов. Поспешно собрался, побросал вещи в кожаный чемодан, а у Вари только и было что узелок с парой кофточек и короткие сапожки, купленные на последнюю зарплату. Не стала она родительского благословения спрашивать, да и он тоже. Давно привык сам все решать.

После уже, когда расписались, посидели в ресторане узким кругом, Неделин спросил: ничего, мол, что свадьбы пышной не устроили, родню не собрали? Боялся, как бы невеста не сочла его жадным, не разочаровалась. Деньги, дескать, на свадьбе сэкономил, бедных родственников чурается. Что недостаток у Вари невелик, он по тому узелку понял. Но ему ее барахла не надо, он ей все новое купит, самое лучшее. И денег ему не жалко. Столько лет на одного себя тратил, а много ли ему требуется?

Варвара подняла на него глаза, будто к месту пригвоздила.

– Про родню больше не поминай, – сказала как топором рубанула. – Никогда. Обещаешь?
– Обещаю, – вылетело у Ивана раньше, чем он успел удивиться.

Да и то, зачем ему чья-то родня? Он и свою-то особо не привечает. Очерствел душой в столице, замотался, все в трудах, в заботах.

Через год съездили к его матери в Ярославль, могилку отца провели, все чин-чином. И Варенька не противилась. Это она на свою родню осерчала, а к его матери отнеслась тепло, подарков накупила, денег велела отправлять старушке, чтобы та ни в чем не нуждалась. И сама за этим следила, Неделину-то недосуг было все упомянуть.

Так и потекла их жизнь, как молочная река между кисельными берегами. Сын родился, красотой в мать, умом да смекалкой в отца – шестнадцатый годок пошел парню. Об этом счастье Иван и не мечтал. Ему бы только Вареньку видеть живой, здоровой и довольной, чтобы цвела она аленьким цветочком в его хоромах.

Красота жены превратила Неделина в полнейшего ее раба. Сам он был неказист: ростом невысок, лицо круглое, неинтересное, лысина, животик, который за годы сладкой семейной жизни превратился в солидное брюшко. Словом, не красавец. И в постели оказался вялым, тусклого темперамента. Кроме денег, блеснуть ему было нечем. Как ни странно, Варвару это устраивало. Она не требовала от супруга любовной пылкости, не таскала его по театрам и ресторанам, не транжирила деньги на модные наряды – одевалась со вкусом, но в меру дорого; дом вела твердой рукой, изобильно, но без лишней роскоши; развлекалась хозяйством и воспитанием сына. Всем, казалось, была довольна.

Несмотря на столь благоприятное течение совместной жизни, Иван не мог чувствовать себя до конца спокойно. Пожалуй, он позволил себе расслабиться только во время беременности жены, когда она растолстела, отекала, а ее лицо покрылось пигментными пятнами. Эти девять месяцев, да еще пять после родов, когда Варенька кормила младенца и не спала ночами, уматываясь до беспамятства, были самыми счастливыми и безмятежными для Неделина.

Все остальное время внутри его происходила непрерывная борьба, тем более мучительная, что он никому не смел показать ее. Это была борьба с собственным страхом. Красота жены, ее скрытный, властный характер угнетали Ивана, заставляли его ревновать без всяких на то причин, рисовать себе картинки Вариной измены, когда она страстно отдается молодому, такому же красивому любовнику. Эти видения стали кошмаром, преследующим Неделина во сне и наяву. Он задыхался от ревности, которая не имела выхода, потому что Варвара не давала ему повода излить свои подозрения. Да и сами подозрения не имели ни малейшей почвы под собой и произрастали из собственных предположений Ивана. Это была *придуманная* ревность. Но оттого еще более ужасная, невыносимая.

За все прошедшие годы Неделин ни разу не смог полностью удовлетворить жену в постели. Она не жаловалась, но сколько это могло продолжаться? Разве ей не захочется хоть когда-нибудь, один разок ощутить всю стихию, весь испепеляющий жар истинной страсти? И тогда появится чужой мужчина, который даже не будет любить ее, а просто окажется способен дать ей этот животный восторг, это грязное удовольствие... Он разрушит мир Ивана, осквернит его единственную отраду, сорвет, растопчет его райский цветок! Погубит все, на что потрачены душевные силы.

Мысль об этом была настолько невыносима, настолько болезненна, что Неделин пару раз подумывал о самоубийстве. Что ему терять? Жизнь клонится к закату, сын почти вырос, деньги перестали доставлять ему прежнее наслаждение. И только осознание того, что Варенька тогда уж слишком легко, без помех достанется другому, останавливало его.

Оказалось, что красотой нельзя обладать в полной мере, на нее всегда найдутся охотники. Красивая женщина – это вечная мука, посланная судьбой, неизбежная расплата, адское пламя, в котором никогда не сгоришь, потому что нельзя исчерпать страдания, так же, как нельзя исчерпать любовь. И отчего люди стремятся к красоте, отчего жаждут ее, если она никогда не

будет принадлежать им? У красоты нет и не может быть хозяина. Господь придумал ее для искушения мятущихся душ, для дьявольских желаний, которые невозможно удовлетворить навсегда...

После того как Неделин купил для жены здание под салон «Лотос» и она занялась собственным бизнесом, он немного успокоился. Во-первых, у нее появились заботы, а разврат, по мнению Ивана, – дитя праздности. Во-вторых, он как бы выпустил ее на волю и ощутил неожиданное облегчение. Варенька не исчезла, не испарилась в тот же миг, как ее стали окружать посторонние люди, в том числе и мужчины. Может быть, у нее тоже отсутствует темперамент и любовное томление? И ей вовсе незачем бросаться в объятия первого попавшегося красивого самца.

«К тому же я сам могу изменить ей, первый! – подумал вдруг Неделин и поразился, почему такая мысль раньше не приходила ему в голову. – Тогда будет уже не так больно. Ведь раньше, до брака, у меня были другие женщины. Они даже хотели выйти за меня замуж! Значит, я не так плох!»

Это умозаключение подняло его дух. Впервые с того дня, как он увидел Вареньку за прилавком универсама, Иван посмотрел на окружающих его дам не прежним, равнодушным, а оценивающим взглядом.

– Остановиться у супермаркета? – спросил водитель.

– Останови, дружок, – встрепенулся Неделин. – Замечтался я.

Он вышел и направился к дверям магазина. Водитель глянул на часы, достал сигарету и закурил. Теперь хозяин раньше, чем через час, не появится.

Глава 5

Вечером Ева пришла домой и застала Смирнова сидящим на кухне, за столом и созерцающим натюрморт из недоеденной селедки и черного хлеба. Она знала, что такое меню – признак напряженных раздумий.

В открытое окно налетели ночные мотыльки и прочая мошकारа, вились вокруг абажура. На плите закипал чайник.

– Ты встречался с Неделиной? – спросила Ева.

Она уселась напротив, подперла щеку рукой и уставилась на Всеслава взглядом Великого инквизитора.

– Встречался...

– И что?

– Она посвятила меня в некоторые интимные подробности жизни салона «Лотос».

– Что значит – «интимные»?

– А то, что они известны только узкому кругу лиц. Насколько этот круг узок, я еще не установил.

– Так ты берешься за ее дело? – обрадовалась Ева.

Варвара вызвала у нее симпатию, возможно, из-за некоторого внешнего сходства.

– Придется. Ты сколько раз успела побывать в салоне?

– Раза три, – сказала Ева. – А что?

– Ничего особенного не заметила?

– Там все особенное! От порога до крыши. Хочешь, чтобы я поделилась впечатлениями?

– Окажи мне эту услугу, – улыбнулся сыщик. – Люблю сравнивать свои наблюдения с твоими.

– Изволь. Только, чур, не перебивать!

Рассказ Евы изобилует подробностями и был окрашен ее собственным оригинальным взглядом на вещи. Она вдохновенно выдала на-гора прелюбопытнейший монолог, из которого Смирнов не только почерпнул информацию, но и получил от него искреннее удовольствие.

– Здание перестроено необычным образом, – начала она с архитектурного стиля. – Внутренний дворик, Основной зал, Комната фресок, Комната для церемоний и прочие помещения, включая спортзал и кухню, расположены соответственно принципам треугольника, круга и квадрата. На Востоке считают, что, когда треугольник, круг и квадрат соединены в одно целое – оно движется, вращаясь с потоком жизненной энергии.

– Как это? – не понял Всеслав.

– Ты обещал не перебивать! – рассердилась Ева.

– Прости...

– Прямо над входом – надпись, выполненная буквами, стилизованными под иероглифы: «Цветы лотоса – корабль, на котором утопающий среди океана жизни может найти свое спасение». И вообще, все стены салона расписаны фресками необычайной красоты и изыска, изображающими танцовщиц; Кришну, играющего на флейте; индийскую богиню Лакшми, стоящую на лотосе; рождение солнца-Ра из лотоса; Будду, сидящего на лотосе... Я даже не могу все перечислить, не запомнила. А в Основном зале – надпись во всю стену – «Ом – мани – падме – они»: «Да будет благословен Будда с лотосом...» или что-то в этом роде. Прямо Храм Лотоса, а не салон! Собраны и гармонично объединены все стили, и это создает неповторимую атмосферу величия, доступного каждому. Понимаешь? Предпочтение не отдается ни одному из богов – Будда, Осирис, Вишну, Брами и Афродита прекрасно уживаются вместе. Они как будто служат посетительницам салона, передают им некое откровение, столь же интимное, как

любовный акт... Это потрясающе! Не знаю, где Неделина откопала художника, способного воплотить подобную идею, но у нее безукоризненный вкус.

– А персонал салона? – спросил сыщик. – Ты со всеми познакомилась?

Ева уже закончила свой монолог и потому благосклонно отнеслась к вопросу Смирнова.

– Не успела. Я видела только хозяйку и администратора. Кстати, у него такое интересное имя... Терентий. Отчество я забыла. Интересный мужчина лет сорока, подтянутый, энергичный. Кстати, а что тебе рассказала Неделина?

У Евы была неподражаемая манера перескакивать с одной темы на другую без видимой связи.

– Придется посвятить тебя в тайну клиента, – серьезно сказал сыщик. – Мне нужен свой человек в салоне, который мог бы заметить то, на что случайный посетитель не обратит внимания.

– Смирнов, голубчик! – Ева вскочила со стула и бросилась к Славке с объятиями и поцелуями. Чисто дружескими, разумеется. – Я буду тебе помогать?! Как интересно! Обожаю подслушивать и подсматривать. Это будет новой чертой моего нового характера.

– Как раз подслушивать и подсматривать не стоит, – охладил сыщик ее бурный порыв. – Естественность – вот что позволит тебе незаметно собирать сведения.

– Какие сведения? О чем?

– Видишь ли, наша почтенная Варвара оказалась большой любительницей диковинных розыгрышей. Признаться, я не предполагал в ней подобных наклонностей. Ей было мало восточной кухни, восточных единоборств, восточных танцев и прочих изысков для избалованной и пресыщенной публики. Ей понадобилось... привидение! Да не какое-нибудь, а *романтическое*.

– Ты шутишь?

– Если бы! В салоне есть сотрудница, которую ты наверняка не увидишь... по крайней мере в обычном человеческом виде. Зинаида Губанова, хореограф. Она должна была вести школу индийского танца. Но судьба в лице Неделиной распорядилась по-другому. Эти дамы сговорились ввести в заблуждение не только клиенток «Лотоса», но и весь персонал. Они разработали подробнейший план, тщательно подготовились к его осуществлению. Губанова – незамужняя, одинокая женщина, проживает в однокомнатной квартире в доме на Краснопресненской набережной. Родственников и близких друзей не имеет, так уж получилось. Идеальная кандидатура на роль привидения.

– То есть как?... Я не понимаю...

– Я сам не понимаю, – вздохнул Всеслав. – Слушай дальше. Губанова делает вид, что без памяти влюблена в одного из инструкторов то ли по айкидо, то ли... ладно, неважно. Она открыто, никого и ничего не стесняясь, начинает его преследовать, ну... как это делают женщины – пишет нежные письма, звонит, дарит подарки и становится притчей во языцех с этой своей любовью. Все сотрудники «Лотоса», от администратора до охранника, являются свидетелями сей разыгранной в лучших шекспировских традициях сердечной драмы. Заметь, фальшивой!

– Но зачем?

– Как это – «зачем»? Чтобы предстать перед зрителями этаким Джульеттой, которая убивает себя, не вынеся равнодушия коварного Ромео.

– А что инструктор?

– Инструктор растерян и сбит с толку. Сначала он деликатно, а потом все более настойчиво пытается отделаться от назойливого внимания танцовщицы. Тщетно! Она прилипла к нему, как пластырь. Теперь уже и клиентки замечают пикантную ситуацию, всю судачат о ней. Все знают о безответной, страстной любви Губановой к инструктору. Не по душе она ему пришлась, хоть плачь. Таким образом, почва для трагического финала пьесы была подготов-

лена добротнo и мастерски. Думаю, Губанова настолько увлеклась ролью, вжилась в нее, что ей почти не приходилось притворяться. Поэтому выглядело все весьма и весьма правдоподобно.

Ева слушала, боясь пропустить хоть слово.

– Может быть, игра незаметно переросла в правду жизни? – предположила она.

Сыщик неопределенно качнул головой.

– Как бы там ни было, пришла пора Джульетте умирать. По гениальному замыслу наших дам, все должно было произойти на одной из вечеринок, где Губанова исполняла индийский танец, который, как ты знаешь, не просто набор движений, а целая поэма, исполненная смысла. Зинаида назвала свой танец «Признание в любви». По словам Неделиной, танцовщица в тот вечер превзошла самое себя. Она выбрала для выступления лучшие украшения и костюм из красного шелка. Все затаили дыхание, очарованные ее гибкими, то порывистыми, то плавными движениями. В конце она изобразила, будто пронзает себя кинжалом, и упала, бездыханная, к ногам возлюбленного.

– Инструктора? – уточнила Ева.

– Ну да.

– Бездыханная? Ты хочешь сказать, она убила себя при всех?

– Это была условность танца. После того как стихли аплодисменты, танцовщица встала, отклонялась, и... больше ее никто не видел.

– То есть как?

Смирнов развел руками:

– Сие составляет самую зловещую часть нашей истории. Губанова ушла в комнату, где переодевалась к танцу, оттуда, вероятно, она отправилась домой. Во всяком случае, именно так было задумано. Потом она должна была уехать на время к своей знакомой в Мытищи, распустив слухи о собственной смерти. Якобы она покончила с собой, не в силах жить, будучи нежеланной и отвергнутой своим кумиром. Вот такая душещипательная концовка.

– Но... как же тело? Похороны?

– Поскольку родственников у Губановой не было, ее тело вроде бы забрала подруга и похоронила. Где и как, соседи рассказать не могли – сами не знали. Видели, как приехал катафалк, в него погрузили закрытый гроб, и все. Современные многоэтажные дома не способствуют тесному общению между людьми. Вот ты, например, знаешь кого-нибудь из соседей?

– Бабу, которая каждый день гуляет с близнецами.

– А еще?

Ева вынуждена была признать, что ее не особо интересует частная жизнь соседей и знакомиться с ними она не стремится.

– Вот видишь?

– А сотрудники? – не сдавалась Ева. – Они что же, не проводили Губанову в последний путь?

– Неделина и это предусмотрела, – ответил Смирнов. – Перед последним выступлением Губанова написала заявление об отпуске за свой счет на две недели. Поэтому никто и не беспокоился, не разыскивал ее. А по истечении отпуска их поставили перед фактом.

– «Смерть» танцовщицы была инсценирована, я правильно поняла?

– Правильно.

– А смысл?

– Спустя некоторое время, когда пересуды улеглись и все более-менее примирились со случившимся, в салоне стало появляться привидение – некто в том самом красном индийском костюме невзначай заглядывал в окно или проходил в глубине коридора... преимущественно поздно вечером, при плохом освещении. То есть в «Лотосе» поселилось самое настоящее, свое собственное привидение. С легкой руки одной из клиенток оно получило прозвище «красная танцовщица». Такова отныне была работа Зинаиды Губановой, которой Неделина пообещала

щедрое вознаграждение. Костюм «несчастливая Джульетта» незаметно прихватила с собой в тот злосчастный вечер, ну а остальное... осуществить было легко.

– Ужас... – Ева прижала ладони к пылающему лицу. – Ну и развлечения у людей!

– Каждый старается как может, – усмехнулся Смирнов.

– И это не отпугнуло клиенток?

– Что ты?! Наоборот! Слухи о «красной танцовщице» привлекли в салон множество любопытных скучающих дам. Они мечтают лицезреть романтический призрак! Расчет оказался правильным.

– А что хочет от тебя Неделина?

– Понимаешь... «страшная» история началась три года назад и состоит из нескольких этапов. Первый – хозяйка «Лотоса» обдумывала предложение, внесенное кем-то из ее сотрудников. Она решила воплотить его в жизнь и вынесла тему на всеобщее обсуждение. Но вместо поддержки идея о «призраке» вызвала критику и смех. Только хореограф Губанова и врач-диетолог Былинская согласились участвовать в ее осуществлении. Они втроем оставались после работы, обсуждали сценарий, разрабатывали детали плана. Когда все более-менее выстроилось, заговорщицы сделали паузу – чтобы остальной персонал салона, не посвященный в тайну, успел подзабыть самую отвергнутую большинством идею. Так и вышло.

Тогда наши изобретательные дамы приступили ко второму этапу – непосредственно к розыгрышу. Губанова демонстрирует влюбленность в Кутайсова, долго и упорно преследует его, устраивает «показательный» танец, после чего исчезает, якобы покончив с собой.

Оба эти этапа можно назвать подготовительными к появлению «привидения», они длились чуть больше полутора лет. Куда было торопиться?

И, наконец, после мнимых похорон происходит самое интересное – в салоне появляется «красная танцовщица». Вроде бы все прошло гладко, но... вдруг возникает непредвиденная ситуация: уже больше года Зинаида Губанова не звонит Варваре, а главное, не приходит за деньгами. Правда, она взяла перед отпуском аванс, но эти деньги давно должны были закончиться. В условленное место она тоже ни разу не явилась. Неделина несколько раз ходила к ней домой и никого не застала. Поговорила с соседкой, но та лишь вскользь упомянула о смерти Губановой, сказала, что квартира с тех пор стоит вроде бы пустая. Варвара хотела съездить к подруге Зинаиды в Мытищи, но у нее нет адреса. Тогда, в начале этой дикой затеи, мелкие подробности казались лишними. Но теперь...

– Мистика! – воскликнула Ева. – Это нынче модно. Готова поспорить, «красная танцовщица» продолжает появляться, шокируя персонал и клиенток.

– Вот именно.

Ева шумно вздохнула и налила себе минеральной воды. Ее посещения салона «Лотос» обещают быть очень захватывающими!

* * *

Марианна Былинская с трудом дождалась конца рабочего дня. У нее была масса хлопот, связанных с предстоящим праздником. Как диетолог она отвечала за угощение и ассортимент продуктов, которые предназначались для праздничной распродажи.

Салон был невелик и не мог вместить всех желающих присутствовать на ночной церемонии Поклонения Лотосу. Билеты стоили кругленькую сумму, но были разобраны в мгновение ока. Оставшиеся за бортом называли Неделиной, вымаливая пригласительные за двойную цену. «Царица Савская» оставалась непреклонной: лишнее количество гостей внесет сумятицу, неразбериху и толкотню, которые испортят впечатление от церемонии. Восток не терпит суеты.

Марианна была полностью согласна с хозяйкой. В полукруглом зале, где обычно угощались приглашенные, она установила с одной стороны длинный низкий изогнутый стол, за которым сидели на специальных подушках, поджав ноги на восточный манер; с другой – расставила высокие резные этажерки с товарами.

Для продажи она выбрала необычный ассортимент – леденцы синрин-но-осумицуки с древесным углем, похожие на продолговатые угольки, которые имеют привкус мяты и способствуют пищеварению; палочки для благовоний кирэй-ко; рисовые лепешки о-хаги; индийские пастилки шатавари из растения, возбуждающего половое влечение; и пакетики с кусочками сушеных стеблей лотоса.

Сзади стола всю стену занимала яркая фреска, изображающая описанную Гомером страну лотофагов – поедателей лотоса, живописный остров, куда приплыл корабль чужеземцев, и жителей острова, угощающих гостей различными блюдами из лотоса. Посередине этой идиллической картины, чуть внизу, располагалась надпись, выполненная угловатыми, под греческий шрифт, буквами:

«...посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладкомедвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стране лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос собирать, навсегда от своей отказавшись отчизны».

Марианне очень нравилось оформление салона, особенно Основного зала и этой уютной Кухни-гостиной, где за ширмами прятались различные устройства для приготовления восточных блюд по китайским, индийским и японским рецептам. При гостях ширмы убирались, и процесс происходил на глазах у присутствующих.

– Ты уже обдумала меню?

Былинская вздрогнула от неожиданности, резко обернулась. Задумавшись, она не заметила, как в Кухню-гостиную вошла Неделина. Хозяйка была одета в черное платье с короткой накидкой из вологодских кружев, тщательно причесана.

– Меню готово, – ответила Марианна. – На празднике будут подавать додзё-набэ по рецепту ресторана Комагата Додзё и якитори.

– Напомни, что за блюда такие, – напряженно улыбнулась Варвара.

– Додзё-набэ – это рыба голец, сваренная целиком на медленном огне в сладко-соленом бульоне, при подаче на стол обильно посыпанная сверху луком-батуном. А якитори – кусочки куритины в желе из соевого соуса, поджаренные на бамбуковых вертелочках. Вот они!

Марианна показала на открытую коробку, полную заостренных бамбуковых палочек.

Неделина слушала и не слышала. Ее беспокоил вчерашний разговор с сыщиком. Пришлось посвятить постороннего человека в неприятную историю, в сокровенные подробности жизни салона... Черт знает что! Невинный розыгрыш превратился в какой-то дрянной фарс. Неужели Губанова решила подшутить над всеми, в том числе и над хозяйкой? Но зачем? В сущности, все было оговорено при полнейшем согласии сторон, и в смысле оплаты Варвара не поскупилась.

– Марианна, – сказала она, делая вид, что перебирает бамбуковые вертела. – Что ты думаешь о... Зинаиде? Мы вместе разработали и осуществили эту злополучную мистификацию, о чем я, признаться, теперь жалею. Наши условия продолжают действовать или...

Былинская оглянулась на дверь и приблизилась к Варваре.

– Дуся опять ее видела... – прошептала она. – «Красную танцовщицу»... рано утром, когда салон еще не открылся. Говорит, что та проплыла по коридору и исчезла в Комнате для церемоний.

– Хватит повторять глупости! – вспыхнула Неделина. – Проплыла... Скоро она здесь летать начнет, как гоголевская панночка в своем гробу!

– Варвара Несторовна... я боюсь. Наша выдумка превратилась во что-то ужасное! Вдруг Зинка и в самом деле влюбилась в этого проклятого Кутайсова?

– И что? Зарезалась по-настоящему, и теперь ее неприкаянная душа витает в салоне «Лотос»? Не носи околесицу, умоляю тебя!

– Но самоубийство – большой грех... – возразила Марианна.

– С чего ты взяла, будто Зинаида покончила с собой? Кто же тогда бродит в образе «красной танцовщицы»? Ведь, кроме нас троих, никто ничего не знал! Пока мы обдумывали, как все это устроить, остальные давно забыли про... привидение. Боже, какой вздор!

– А вдруг не забыли?

– Тем более должны понимать, что это розыгрыш. Они же трясутся от страха, как последние идиоты!

Несмотря на свою *царственность*, Неделина любила крепкое словцо и не стеснялась его употреблять.

– Вы разве не боитесь? – прошептала Марианна, снова оглядываясь на дверь.

– Да что ты крутишься, как посоленная?! – возмутилась хозяйка. – Кого бояться-то? Зинаиды, что ли?

Она не могла признаться себе, что история с «красной танцовщицей» превратилась в ее тайный ужас, и оттого разозлилась.

– Не знаю... – чуть не плача, проямлила Былинская. – Можно мне сегодня пораньше уйти?

– Иди! Да приведи себя в порядок до завтра. Прими успокоительное на ночь. Не мне тебя учить, ты же врач.

Неделина сердито повернулась и вышла, громко стуча каблуками модельных туфель. Она злилась на Марианну, на сыщика, который приставал к ней с дурацкими расспросами, на весь белый свет. А пуще всего – на саму себя, что поддается глупым страхам.

Марианна же, оставшись одна, быстренько разложила все по местам, подписала меню, хотя так и не поняла, одобрила его Неделина или нет, и засобиравшись домой. Хозяйке сейчас явно не до кулинарных подробностей. Да и ей самой тоже. Диетология и восточная кухня уступили место интересу другого рода: что происходит в салоне и какое отношение к этому имеет Зинаида Губанова?

Былинская почувствовала огромное облегчение, выйдя из «Лотоса».

Светило солнышко. Садовник Саша возился во дворе с бонсай – миниатюрными искусственно сформированными деревцами, пытаясь переселить их из декоративных контейнеров в открытый грунт. Пока что у него ничего не получалось. Деревца, так же как и японская трава, упрямо не желали расти где попало, демонстрируя капризный восточный характер. Но Саша не унывал.

– Домой, Марианна Сергеевна? – весело спросил он Былинскую, приподнимаясь от своих растений. – Везет вам!

Марианна приветливо кивнула, выпорхнула за ворота, и тут... Только не это! Надоедливый нищий как будто ее ждал. Он метнулся из-за угла соседнего дома и ринулся наперерез. Былинская судорожно полезла в карман, нащупывая дежурную монету. Неужели не приготовила?

Нищий в два прыжка оказался рядом. Несмотря на хронический алкоголизм, он был в прекрасной физической форме, а высокий рост и длинные сильные ноги давали ему преимущество перед намеченными жертвами. Не стоило и надеяться убежать от него.

Марианна наконец нашла монету и сразу сунула в его протянутую ладонь, чтобы отстал. Сегодня у нее нет ни сил, ни желания выслушивать гнусавое нытье.

Нищий схватил монету, но продолжал семенить следом.

– Деньгами откупиться хочешь от живой души, – затянул он противным басом. – Сатанинским зельем отравить божественную благодать... Грехи твои тяжкие, дочь неразумная, тянут тебя в геенну огненную, на самое дно...

– Больше денег не дам! – взорвалась Марианна, ускоряя шаг. – Все тебе мало, святой человек!

– Вот твои деньги, – прошипел нищий, бросая монету на асфальт. Она звякнула и покатилась... – Мне не презренный металл, мне любовь надобна... аки у одной божьей твари к другой...

– Что-о-о? Пошел вон, пес смердящий! – завопила Былинская, шарахаясь от него в сторону. – Ишь, чего удумал!

Нищий прижал ее к забору, окружающему ухоженный дворик какого-то офиса, и, дыша в самое ухо, громко зашептал:

– Я люблю тебя... дочь неразумная, грешная... недостойная милости господина нашего Иисуса Христа! Готов душу свою за тебя предать адским мукам... Слышишь ли, понимаешь?

Марианна рванулась и закричала. Нищий мгновенно выпустил ее из цепких объятий, метнулся вправо, за угол ограды, и скрылся. Наверное, испугался стражей порядка.

Вне себя от ужаса и отвращения, Былинская почти бегом кинулась прочь, не разбирая дороги. Запыхавшись, она остановилась, не соображая – где она, куда ее занесло...

Глава 6

– А теперь делаем упражнение «Журавль расправляет крылья», – сказал инструктор, черноволосый и черноглазый красавец мужчина восточного типа.

Ева украдкой пожирала его глазами. Окольными путями она успела выяснить, что это и есть тот самый «жестокий Ромео», отвергнувший любовь прекрасной танцовщицы. Женщины, особенно праздные – а именно к таковым относилось большинство посетительниц салона, – обожают сплетничать, и в этом смысле Ева оказалась находкой для них. Она еще ничего ни о ком не знала и являлась идеальной слушательницей, заинтересованной и благодарной. Ее любопытство ни у кого не вызывало удивления, а, напротив, воспринималось как должное.

Благодаря словоохотливым дамам Ева услышала много занимательного. Например, что у Зинаиды Губановой в «Лотосе» был сценический псевдоним: Рани. Ее обыкновенное, заурядное имя – Зина – не соответствовало тому образу знойной восточной девы, который она поддерживала. Поэтому она придумала себе псевдоним и большинству публики была известна как Рани.

Несколько полноватая, с пышными формами, необыкновенно подвижная и гибкая, с густыми выющимися волосами и выразительным лицом, она умела произвести впечатление. Многие считали, что в ее жилах течет индийская кровь.

Надо сказать, Неделина талантливо подобрала персонал салона: каждый обладал яркой индивидуальностью, был по-своему неповторим и умел обратить на себя внимание. Это Ева поняла, едва переступила порог Комнаты для упражнений и увидела инструктора Кутайсова. Ясно, почему Рани выбрала для своего «любовного романа» именно его.

Аркадий Кутайсов выглядел лет на двадцать восемь – тридцать, имел превосходно развитую фигуру, красивое лицо и повадки Дон Жуана. Ходили слухи, что он дальний потомок славного рода Кутайсовых, давшего России храброго, блестящего генерала Александра Кутайсова, героя Бородинского сражения.

Аркадий охотно поддерживал и распространял эти слухи, гордился своими предками, любил рассказывать, что этот славный род пошел от турка, подаренного Екатериной II своему наследнику цесаревичу Павлу, который после восхождения на престол произвел своего любимца в графы и сделал его кавалером высших орденов. Отсюда, дескать, и пошла порода Кутайсовых, горячих мужчин с примесью южной крови, о чем говорят разрез глаз, жесткие выющиеся волосы и смугловатый оттенок кожи.

На внутренней стороне дверцы шкафчика для одежды Аркадий прикрепил портрет молодого генерал-майора Александра Ивановича Кутайсова, погибшего под Бородином. Показывая портрет всем желающим, он непременно обращал внимание на некоторое сходство между знаменитым военным и собою – скромным инструктором по восточным видам единоборств, которое действительно имело место.

Ева тоже удостоилась этой чести – лицезреть портрет кудрявого красавца с бакенбардами по тогдашней моде, с чувственными губами и ямочкой на подбородке, облаченного в мундир с высоким воротником, золотым позументом и орденами.

– Мой предок! – торжественно заявил инструктор, показывая ей портрет. – А вы новенькая?

Ева не сразу сообразила, что легенда о роде Кутайсовых – еще одна традиция, принятая в салоне. Вероятно, инструктор и граф всего лишь однофамильцы, хотя... кто знает? Она отметила, что сходство все же есть. Аркадий самодовольно улыбнулся и пригласил новую посетительницу в Комнату для упражнений.

Кроме Евы, на занятиях присутствовали еще несколько женщин разного возраста. Самой старшей было около пятидесяти.

Аркадий показывал упражнения по тай-цзи – изящно, плавно и отточено. Он называл движение – «Восход солнца», «Красавица раскрывает веер», «Змея ползет в траве», – затем показывал, а дамы его повторяли несколько раз.

После занятия Ева почувствовала приятную усталость. Ясно было, что серьезных навыков таким образом не приобретешь: женщины просто развлекались, приятно проводили время в присутствии привлекательного молодого человека, разминали застоявшиеся без движения мышцы.

– Если захочешь большего, можно договориться об индивидуальных тренировках, – шепнула Еве на ушко миловидная блондинка Неля, с которой они успели подружиться.

– Мне пока достаточно, – улыбнулась Ева. – Ты что-нибудь слышала о «красной танцовщице»? Я тут...

– Шш-ш-ш... – приложила палец к губам блондинка. – Об этом не принято говорить вслух. Это стра-а-ашная тайна!

Она сделала серьезное лицо, но ее глаза смеялись. Ева вздохнула.

– А я думала, привидение настоящее...

– Ты веришь в подобную чепуху? – хихикнула Неля. – Если честно, об этой «красной танцовщице» только говорят. Вот ты спроси – кто ее видел? И окажется, что каждый слышал об этом от кого-то другого. Похоже, наша «царица Варвара» специально распускает зловещие слухи в целях повышения популярности салона. В наше время как только не изощряются!

– Выходит, ты ни разу не видела призрака?

– Нет, – уже без улыбки ответила Неля. – Я полгода пролежала в клинике, лечилась от алкоголизма. Теперь не пью, не курю и наркотой не балуюсь, так что глюки остались в прошлом.

Разговор с блондинкой разочаровал Еву, и она отправилась обратно в Комнату для упражнений, надеясь застать там Кутайсова.

Красавец инструктор в одиночестве отрабатывал серию движений. Он обернулся, быстро погасил недовольство во взгляде и притворно-вежливо растянул губы в улыбке.

– А, это вы... Хотите поговорить?

Ева медленно подошла, остановилась у стены, покрытой росписью в японском духе – на песочном фоне девушки в разноцветных кимоно танцуют и упражняются с мечами. Сзади вздымаются горы, слева видна часть старинного деревянного дома с загнутой крышей, над которой простирается ветка цветущего дерева.

– Как красиво, – сказала она. – Вам приятно работать здесь, в таком чудесном помещении?

Кутайсов кивнул. Он привык к повышенному вниманию со стороны женщин, и поведение Евы не настораживало его. Новенькая пытается завязать знакомство – обычное дело. Его обязанность – проявить вежливость и удовлетворить любопытство скужающей дамы.

– Здесь удобно, – ответил он. – Вы сегодня первый раз пришли на занятия?

– Да. Я еще не решила, в какую группу буду ходить... к вам или к Рихарду.

– Посмотрите расписание, – равнодушно посоветовал Кутайсов. – Выберите удобное для себя время. Рихард Владин ведет группу один раз в неделю, он больше специализируется на индивидуальных тренировках.

Видно было, что инструкторы между собой не конкурировали, каждый имел достаточно клиентов и свободно составлял рабочий график.

Ева для вида постояла у расписания – вставленного в деревянную рамочку куска картона, на котором тушью были выведены фамилии инструкторов, дни и время занятий. Она поблагодарила Кутайсова и вышла. На сегодня достаточно, не стоит торопить события.

Инструктор посмотрел ей вслед, тряхнул головой и вернулся к своим упражнениям. Он пресытился интересом прекрасного пола к своей персоне, но мужское общество раздражало

его еще сильнее. К тому же в «Лотосе» он получал втрое больше, чем в клубе «Ирий», где вел секцию восточных боевых искусств.

Аркадию Кутайсову исполнилось двадцать девять лет. Он был холост, независим, вел свободный образ жизни и увлекался заботой о своем красивом теле. Женщины сходили по нему с ума, обрывали телефон, наперебой назначали свидания. Несколько раз его приглашали на работу стриптиз-клубы, но Кутайсов отказывался. Дух знаменитого предка-генерала не позволял ему опуститься до стриптиза, несмотря на предлагаемую весьма приличную оплату.

В «Лотосе» Кутайсову нравилось. Если бы не та дурацкая история с «индийской» танцовщицей Рани, все складывалось бы прекрасно. То, что она вытворяла, выходило за рамки не только приличий, но всякого здравого смысла. Сначала он от души развлекался, потом ее слащавая назойливость взбесила его. Она ничего не желала понимать! Неукротимая страсть так и брызгала из ее глаз, стоило им хоть на минуту оказаться наедине. Но Кутайсов придерживался незыблемого правила – никаких романов там, где работаешь. Впрочем, Рани вызывала у него одно раздражение. Она была не в его вкусе – слишком пышная, вульгарно накрашенная, откровенно чувственная, – такую за один раз не удовлетворишь.

У Кутайсова имелась сокровенная тайна – как мужчина он был далеко не таков, каким казался. Красивое тело не гарантирует любовной силы. Это Аркадий понял еще в юности, после первого сексуального опыта с одноклассницей. Девушка пригласила его к себе, они выпили... совсем немного, и потом... Кутайсов до сих пор гнал от себя постыдное воспоминание. У него ничего не получилось.

– Ты что? Я тебе не нравлюсь? – спросила девушка и заплакала.

Ему хотелось провалиться сквозь землю. Увы! Пришлось банально одеваться и, не поднимая глаз, ретироваться с ложа несостоявшихся наслаждений. Тот взгляд, которым девушка его провожала, казалось, прожжет дыру в его классической мускулистой спине.

* * *

Всеслав Смирнов вынужден был признать, что расследование «не выходя из дома», как у Ниро Вульфа, блистательно описанного в детективных романах Стаута, по плечу далеко не каждому сыщику. Сколько он ни обдумывал рассказанное Варварой, сколько ни прикидывал, ситуация не прояснялась.

Если Неделина все это выдумала, то зачем? Придать еще больше правдоподобности дурацкому розыгрышу? Нанять детектива и платить ему немалые деньги для того, чтобы... Нет, это бессмыслица.

Если допустить, что Губанова сначала согласилась с условиями «игры», а потом решила повернуть ее по-своему, остается тот же вопрос. Зачем? Ведь при этом повороте она теряет деньги, работу, доброе имя, наконец. Куда она сможет устроиться с репутацией обманщицы и авантюристки?

– А может быть, она влюбилась в этого Кутайсова по-настоящему? – предположила Ева. – Он потрясающе красив. Любая женщина может потерять голову.

Они сидели на кухне и завтракали. Смирнов обжегся чаем, закашлялся.

– Что с тобой? Ревнуешь?

Он предпочел промолчать. Ева многозначительно повела глазами и продолжила:

– Клиентки салона только обсуждают пикантную историю с привидением, а реально «красную танцовщицу» почти никто не видел. В глубине души многие считают это рекламным трюком, страшилкой, за которой ничего не стоит.

– Еще есть версии?

– Ну... некоторые намекают, что у Неделиной... с головой не в порядке. Крыша, мол, поехала. И она свои видения выдает за действительность.

– Нужно искать Губанову, – сказал Смирнов. – С работы она не увольнялась, а за деньгами не приходит. Странно...

– Ты судишь со слов Неделиной, – возразила Ева. – Но ведь никто на самом деле не знает – увольнялась Зинаида или нет? И насчет оплаты у них с хозяйкой договор был конфиденциальный. Так что...

– Надо искать Губанову, – упрямо повторил сыщик. – Рутинная разыскная работа. Другого пути я пока не вижу.

Он допил чай, оделся, вышел и захлопнул за собой дверь.

Ева немного сердилась на Славку за тот вечер, когда они праздновали его день рождения. Она опьянела, и ей захотелось... чего-то более интимного, чем дружеские поцелуи и невинные прикосновения. Но Смирнов некстати проявил стойкость, не поддался на ее провокации. Подумаешь, какой принципиальный!

Ева чуть не плакала от досады, а он улегся себе преспокойненько на диван и уставился в телевизор, смотреть пошлое шоу.

Всеслав чувствовал ее недовольство, но не понимал, чем оно вызвано. Женщины – такие непредсказуемые, особенно Ева.

Он ловил себя на том, что постоянно думает о ней, где бы ни был. Это мешало сосредоточиться на проблемах клиентов. Вот и сейчас он вышел из подъезда в жаркий, пыльный двор с мыслями о Еве. Она теперь была во всем – и в шуме города, и в светлом от зноя небе, и в проезжающих мимо автомобилях, – все было полно и пропитано ею, странным образом напоминало о ней.

Сыщик поехал на Краснопресненскую набережную. Вдруг ему удастся застать Зинаиду Губанову дома? Надежда шаткая, но все же...

Дом, в котором проживала танцовщица, оказался панельной многоэтажкой с четырьмя подъездами. Смирнов прикинул, что квартира пятьдесят четыре должна быть примерно на пятом этаже, и не ошибся. Обыкновенная крашеная дверь с двумя замками и «глазком», резиновый коврик... ничего подозрительного.

Он звонил минут десять, прислушиваясь, не раздадутся ли за дверью осторожные шаги. Тишина... только внизу кто-то вызвал лифт, и кабинка с легким скрежетом поехала вниз, потом снова вверх, остановившись как раз на пятом этаже.

Из лифта, отдуваясь, выбралась толстенная тетка с котом на руках.

– Вы кто? – строго спросила она, окидывая Всеслава подозрительным взглядом.

– Я родственник Зинаиды Губановой, – солгал он. – Приехал из Саратова, звоню, звоню, а никто не открывает. Она на работе, наверное. Вы не знаете, когда она возвращается домой?

– Родственничек, значит! – злобно прошипела тетка, буравя его узкими, заплывшими жиром глазками. – Небось на квартиру нацелился? Где ты был, когда Зинаида померла? Ее же похоронить по-людски было некому, горемычную! Подруга откуда-то приезжала, забирала гроб с телом... а родственников никаких не объявлялось.

– Как померла? – изобразил удивление Смирнов. – Вы ничего не путаете?

– Чего мне путать?! – пуще того рассердилась толстуха. – Я все видела... Гроб вынесли, погрузили в катафалк и увезли. Соседей даже не пригласили попрощаться! С тех пор квартира и стоит закрытая.

Кот, которому надоело сидеть на руках у хозяйки, громко мяукнул и начал вырываться.

– А... отчего же она умерла? – продолжал делать вид провинциального недотепы Смирнов. – Зинаида молодая была, здоровая.

Толстуха погладила кота, чтобы он успокоился.

– Говорят, она сама... ну, с жизнью решила покончить, – понизив голос, объяснила соседка. – Вот какой грех приключился.

– Как это?

– Что ты все «как» да «как»? – опять разозлилась тетка. – Откудова мне знать? Зинаида скрытная была, жила замкнуто, ни с кем не общалась. Мы про ее смерть узнали, когда гроб из квартиры выносить стали! Вот так теперь люди-то живут, в одном доме, а как чужие. Никому ни до кого дела нет. Будто в лесу!

– Что же мне делать? – огорчился сыщик. – Куда податься? У меня в Москве больше родни нет...

Толстуха пожала богатырскими плечами, почесала кота за ухом, вздохнула.

– Это уж сам решай, мил человек, а я пойду, Барсик кушать хочет.

Она еще раз оглянулась на Всеслава и исчезла за дверями своей квартиры.

Сыщик постоял еще немного на лестничной площадке, посмотрел на закрытую дверь с цифрой 54, словно пытаясь разгадать тайну, которую она прятала от него, и вызвал лифт. Чутье подсказало ему, что здесь он больше ничего не узнает.

Неделина хорошо продумала детали этой дьявольской инсценировки. Никаких концов не найдешь!

С Краснопресненской набережной он отправился в адресное бюро. Если человек умер, там должна быть отметка.

Уставшая женщина в очках, то и дело сморкаясь и чихая, выдала ему справку.

– У нас тут холодина, как в погребке, – пожаловалась она. – И сквозняки. От простуды избавиться невозможно.

На бланке, который получил Смирнов, было написано, что Зинаида Андреевна Губанова, 1976 года рождения, проживает по тому самому адресу, откуда он только что приехал.

– Она жива? – уточнил сыщик.

Женщина подняла на него красные от простуды глаза и громко чихнула.

– Конечно, – ответила она, закрываясь носовым платком. – А вы сомневаетесь? Если человек умер совсем недавно, сведения могли не поступить к нам, но...

– Спасибо, – перебил ее Всеслав, сложил справку вдвое, засунул в портмоне и зашагал по гулкому коридору к выходу.

В адресном бюро он узнал немногим больше, чем на Краснопресненской набережной. Но теперь хотя бы ясно – Губанова жива.

Смирнов вышел на улицу, вдохнул горячий, пахнущий бензином воздух и... решил на всякий случай сходить в жэк. Он привык добросовестно отрабатывать деньги клиента.

– Надо было сразу проверить, – ругал он себя. – Не пришлось бы ехать обратно.

В жэке никаких сведений о смерти Губановой тоже не оказалось. Она числилась зарегистрированной в своей квартире, проживала там одна.

– А вы кто? – спросила его молоденькая паспортистка.

– Родственник, – продолжал лгать Смирнов. – Приехал из Саратова, а остановиться негде. Квартира Зинаиды закрыта, соседи ничего не знают. Может, думаю, она переехала куда-нибудь, адрес сменила?

Паспортистка оказалась добросердечной, участливой девушкой и прониклась проблемой «родственника». Этому поспособствовало и личное обаяние Всеслава, и деньги, которые он положил ей на стол.

– Вы предупредили заранее о своем приезде? – спросила она.

– Нет... Это неожиданно получилось, в общем, не успел я сообщить, что собираюсь в Москву.

– Так чему же вы удивляетесь? Мало ли куда она могла податься? Многие на заработки едут, квартиры годами стоят закрытые. А где работает ваша родственница?

Смирнов развел руками: понятия, мол, не имею.

– Ладно, я сейчас узнаю в бухгалтерии, по какой месяц за квартиру уплачено, – сказала девушка. – Но это мало что даст. Некоторые не платят – то денег нет, то еще по каким причинам.

Оказалось, что у Губановой огромный долг по квартплате, чуть ли не за год.

– Вы у соседей поспрашивайте, – посоветовала девушка, увидев его огорченное лицо. – Может, ваша родственница ключи кому-нибудь оставила? Цветы поливать, за квартирой присматривать?

Выйдя из жэка, Смирнов прикинул, что он еще не посетил паспортный стол, поликлинику по месту жительства Губановой и бюро ритуальных услуг. Хотя вряд ли там он узнает что-то новое. Но порядок есть порядок.

Пока он ездил по городу, успел проголодаться. Зашел в маленькое кафе, перекусил на скорую руку.

Солнце стояло высоко, в воздухе носилась пыль. Продавщица мороженого зевала, прячась под ярким тентом. Всеслав купил порцию шоколадного пломбира, уселся на лавочку в тени старого клена и глубоко задумался.

Глава 7

– Ты неважно выглядишь, Иван, – сказала мужу Неделина. – Неприятности на работе? Или заболел?

– Просто устал.

Иван не мог смотреть на жену. С годами она становилась все красивее и красивее, тогда как он поседел, обрюзг, потерял былую живость. Ему все надоело.

– Давай ляжем пораньше, – предложила Варвара. – Мне завтра вставать в семь.

– Зачем так рано? – вяло спросил Неделин, чтобы поддержать разговор.

– Праздник скоро. Подготовка идет полным ходом. Столько хлопот...

– У тебя есть сотрудники. За что они получают зарплату? – ворчливо заметил Иван.

– Работы всем хватает. К тому же есть вещи, которые я не могу поручить никому.

Варвара отправилась в ванную, а ее супруг улегся в постель. Он закрыл глаза и тоскливо прислушался к себе. Никакого желания... а ведь они не были близки уже около месяца. Ее сильное, чувственное тело нуждается в ласках, а он не может дать ей ничего, кроме короткого, однообразного секса. «Куплю ей золотое кольцо, – решил Иван. – Пусть не думает, что я охладел к ней, а то...» Продолжать эту мысль было невыносимо. Неделин сжал зубы, подавляя приступ отчаяния и немотивированной ревности. Будто это жена была виновата в его слабости, в отсутствии любовной страсти. Вернее, страсть была... но совершенно другого рода. Страсть Ивана заключалась в том, чтобы владеть Варенькой безраздельно, чтобы она принадлежала только ему одному, только ему одному расточала свои медовые ласки и отдавалась вся, без остатка. Разве это не он вытащил ее из Кинешмы, из нищеты, привез в столицу, предоставил все, о чем может мечтать женщина, – квартиру, достаток, беззаботную жизнь, возможность заниматься любимым делом?

Она пользуется благами, которые он создает для нее, и хорошеет, становится неприлично, вызывающе красивой... несомненно, привлекая внимание мужчин. Иван видел, как они пожирают ее глазами, мысленно раздевают ее, прикасаются к ее телу... О, как он презирал этих самцов, этих чертовых ловеласов, для которых не существует ничего святого! Им ничего не стоит ради пошлых объятий, ради мерзких похотливых забав разрушить его жизнь, жизнь Вари. Она пока не изменяет ему, он бы почувствовал... По ночам она спит рядом с мужем, но где блуждают ее мечты? Ее сны! Вот где он над ней не властен. В снах она может отдаваться и, наверное, отдается другим мужчинам, молодым, искусным любовникам...

То временное успокоение, которое наступило после создания салона «Лотос», забиравшего много сил и внимания Вареньки, куда-то испарилось. На смену ему пришли новые терзания.

Неделина бросало то в жар, то в холод от собственных болезненных фантазий. Он обливался потом, а в следующее мгновение его сотрясала нервная дрожь. Иван всерьез опасался за свой рассудок.

Оказавшись же рядом с женой в постели, он становился скован и неповоротлив, с трудом исполняя супружеский долг, проклинал красоту жены и свою страшную, унижительную зависимость от нее. Он жаждал избавления от этих мук, ниспосланных ему свыше за неизвестные грехи. Но не знал средства, способного облегчить его страдания.

Праздник, к которому готовилась Варвара, заранее раздражал Неделина и вызывал протест. Там на его жену будут глазеть все, кому не лень. И она может... Лучше ему не знать, не видеть, не чувствовать! Только бы Варенька не вздумала тащить его на этот ночной ритуал Поклонения Лотосу! Он не вынесет. Как бы так отказаться, чтобы она не обиделась?

Ужасное внутреннее напряжение Неделина усугублялось тем, что ему приходилось тщательно скрывать его, притворяться кем-то другим, не тем, кем он, по существу, являлся. Он

избрал для себя и играл роль этакого добродушного, снисходительного «папеньки», который с умилением наблюдает за шалостями обожаемой супруги. Пускай, дескать, молодость порезвится, потешится – нам, мудрым и опытным, успевшим познать все стороны жизни, это только в радость.

Когда жена вошла в спальню, он сделал вид, что спит. Варвара коротко вздохнула, осторожно приподняла одеяло и легла рядом. Она долго ворочалась без сна, борясь с пугающими ее мыслями, прогоняя их прочь. Хорошо, что она решилась обратиться к этому Смирнову. По крайней мере, сыщик не назвал ее рассказ бредом и согласился помочь. А то впору идти на прием к психиатру!

Иван, у которого затек бок, боялся пошевелиться, изображая беспробудно спящего супруга. Он по-своему истолковал бессонницу жены: мается от любовного желания, от жара в груди, от сладостных, бесстыдных мыслей...

Неизвестно, кто уснул раньше – обессиленный, снедаемый беспокойством Неделин или Варвара. Но когда утром она проснулась, мужа уже не было в спальне.

Она причесалась, набросила халат и заглянула в комнату сына.

– Папа уехал, – сообщил он, не отрываясь от компьютера. – Тебя велел не будить.

– Будешь завтракать?

– Пока нет.

Варвара без аппетита сжевала бутерброд, запивая его молоком. Неясная, тоскливая тревога заполняла ее душу, отзывалась болью в висках, ломотой в теле. Она посмотрела на часы и спохватилась – пора! Еще надо успеть в парикмахерскую, к портнихе... Неделина покупала в магазинах только верхнюю одежду и белье, все остальное предпочитала шить на заказ. Поэтому платья и костюмы, брюки, блузки и пиджаки безукоризненно сидели на ее фигуре, отличались оригинальными фасонами и изысканным, строгим вкусом. Именно так, по мнению Варвары, должна была одеваться хозяйка элитного салона для женщин.

И если раньше одежда и внешний вид были для нее скорее ритуалом, чем увлечением, то теперь она ловила себя на том, что придает деталям своего туалета гораздо большее значение. Ее стало по-настоящему волновать, как она выглядит.

Глядя на себя в зеркало, Неделина начала замечать мелкие морщинки, которые при складке ее лица и свежей, прекрасно сохранившейся коже были почти не видны; недостатки фигуры, которые еще пару лет назад совершенно ее не трогали; седину, пробивающуюся в густых волосах, и прочие неумолимые приметы времени.

«Я старею... – со странным трепетом в сердце признала она. – Старею. Мое земное существование клонится к закату. Моя молодость отцветает! Мои чувства...»

На этом она запнулась. Чувства! Что она знает о них? Испытала ли она их сполна, как испытала расцвет своей красоты, размеренное течение семейной жизни, материнство? Она вспомнила ненавистное «родительское гнездо» и содрогнулась. Получается, она знала почти все о ненависти. А как же любовь?

В детстве Варя была настолько поглощена жадой побега, ослеплена единственным стремлением – вырваться из постылого дома, – что не замечала ничего вокруг. У нее не было влюбленностей, не было даже обычных симпатий, юношеских привязанностей. Выходя замуж за Неделина, она совершала акт утверждения своей свободы от прошлого. Тогда это было для нее важнее любви, страсти, чего угодно еще. Она почти не осознавала своей красоты, своей женственности, порывов своего сердца... А сейчас?

Варвара начала ощущать в себе незнакомые, пугающие изменения. Они прорастали исподволь, медленно, прорывая многолетние, слежавшиеся слои скуки, как первые весенние цветы пробивают талую землю и пласт прелой прошлогодней листвы. Откуда они берут свою силу? Этого Неделина не знала.

Она перестала приходить в салон только как на работу. Уже приближаясь к забору, окружающему ухоженный дворик, Варвара ощущала приподнятость и приятное волнение. По неопытности она приняла это за увлечение новым для нее занятием: собственным, самостоятельным бизнесом. И только много позже, когда чувства проросли, утвердились и заняли свое место под солнцем, она начала догадываться, что сие означает, и ужаснулась.

Рихард Владин, инструктор по восточным боевым искусствам – вот настоящий предмет ее интереса! Именно к нему приковано ее внимание. Именно для него делаются прически и выбираются фасоны новых платьев. Именно его она хочет увидеть, приходя в салон «Лотос»...

Сделав это открытие, Неделина осознала всю глубину пропасти, в которую она падает. Рихард был на восемь лет моложе, и у него имелась жена. К тому же сам молодой человек не проявлял к Варваре ничего, кроме уважения и подчеркнутой вежливости. Как к хозяйке салона.

«Что я делаю? – спрашивала себя Неделина. – Как это могло произойти со мной?»

Хотя она не предпринимала ни одного шага навстречу молодому человеку, стыд и раскаяние буквально затопили ее. Сами помыслы уже были греховными и таили в себе угрозу позорного разоблачения.

– А если Иван узнает? – замирала от страха Варвара. – Он не заслуживает такого унижения, такого подлого, низкого предательства! Этот человек дал мне все, а чем я собираюсь отплатить ему?!

Таким образом, доселе беспочвенные подозрения и ревность Ивана Неделина воплотились в реальность и обрели, наконец, *повод*.

Варвара, сжигаемая запретной страстью, дома продолжала играть роль холодноватой супруги, а на работе – бесстрастной, величественной и недостижимой «владычицы». Положение спасало недоразумение с затянувшимся розыгрышем и «красной танцовщицей». Хозяйка салона уже не знала, что пугает ее сильнее: призрак или разгорающаяся в ее сердце любовь.

Сегодня у нее была назначена беседа со Смирновым.

После посещения парикмахерской и портнихи Варвара прилетела в салон, чтобы контролировать, как идет подготовка к празднику. Через час ей уже надо быть в кафе «Зебра», где они с сыщиком договорились встретиться.

Проходя мимо Комнаты для упражнений, Неделина услышала голос инструктора, который разговаривал с клиенткой. Это был Рихард. Бешеный стук сердца на мгновение заглушил все ее мысли, вырвал из окружающего мира. Варвара невольно замедлила шаг, прислушиваясь. Рихард что-то объяснял, по-видимому, уточнял расписание индивидуальных занятий.

Хозяйка салона с трудом подавила желание войти и обсудить какой-нибудь текущий вопрос. Например, не сможет ли Рихард Петрович вести еще одну группу? Предлог придумать легко...

Сделав над собой усилие, Неделина преодолела искушение и направилась в свой кабинет. В ее отсутствие здесь беседовал с посетительницами администратор Терентий Скоков. Открыв дверь, она уловила крепкий запах французских духов и сигар Скокова. Сколько раз она предупреждала, чтобы он не курил в ее кабинете!

Окно было распахнуто настежь, но аромат табака не успел выветриться. Значит, Скоков вышел совсем недавно.

Взгляд Варвары задержался на столе. Что это там лежит? Она приблизилась, недоумевая... Ужасная догадка пронзила ее сознание.

Не издав ни звука, Неделина попятилась, намереваясь выскочить из кабинета, но... вовремя остановилась. Не хватало ей поднять панику на весь салон!

Она лихорадочно набрала номер Смирнова. Сыщик ответил.

– Не могли бы мы встретиться прямо сейчас? – спросила Неделина.

* * *

Специалист салона «Лотос» по проведению церемоний – Сэта Фадеева – была единственной, в ком узнавался восточноазиатский тип женщины: небольшой рост, хрупкое телосложение, черные волосы и характерный узкий разрез глаз. Ее мать имела щедрую примесь то ли китайской, то ли японской крови. Отчество же говорило о том, что отец у Сэты Викторовны русский.

Видимо, восточные мотивы оказались преобладающими в характере и увлечениях Сэты. Она немного говорила по-японски и по-китайски, прекрасно разбиралась в стилях, эстетике и философии культур Востока.

Ева заговорила с ней о церемонии Поклонения Лотосу и узнала много нового. Оказывается, лотос – цветок Божественной Мудрости, символ проявленного и непроявленного бога. В Египте этот цветок посвящался Исиде и Осирису, а скипетр – знак власти египетских фараонов – изготавливался в виде цветка лотоса на длинном стебле. Появляющийся из воды лотос имитирует поднимающееся из тьмы солнце.

– Праздник ночного Поклонения Лотосу проводится в нашем салоне третий раз, – охотно рассказывала Фадеева. – И будет гораздо интереснее предыдущих. У вас есть билет?

– Есть, – ответила Ева.

Варвара самолично выписала пригласительный билет на две персоны: Еве и Всеславу. Она решила, что сыщику лучше присутствовать на празднике в роли гостя. Во-первых, люди не насторожатся и поведут себя естественно; во-вторых, ей самой будет спокойнее; в-третьих, Смирнову будет удобнее наблюдать, не вызывая к себе лишнего интереса.

– Вы придете одна? – уточнила Фадеева.

– С другом, – улыбнулась Ева.

– Советую надеть что-нибудь необычное... например, кимоно или сари... Я могу заказать для вас.

– Нет-нет, я лучше приду в шароварах, – отказалась Ева. – По-персидски.

– Тоже неплохо, – согласилась Сэта. – Но я все-таки закажу для вас наряд. Желания женщин так переменчивы... возможно, в последний момент вы передумаете.

Они еще немного поболтали о том о сем. Ева не осмелилась упомянуть о «красной танцовщице». Не стоит приставать ко всем с одним и тем же вопросом, это навлечет на нее подозрения.

– У меня проблемы со спиной, – перевела она разговор в другое русло. – Боли в области поясницы. Надеюсь, массаж мне поможет.

– В салоне принимает опытная массажистка, – уверила Еву Фадеева. – Она изучала разные техники и стажировалась в Токио.

Неделина ввела среди персонала строгое правило – каждый сотрудник в беседе с клиентами обязан рекламировать предоставляемые услуги. Сэта добросовестно исполняла распоряжение хозяйки.

Ева приняла заинтересованный вид.

– Тогда я, пожалуй, познакомлюсь с...

– Ольгой Лужиной, – подсказала Сэта. – Останетесь довольны, поверьте мне. Массаж пользуется огромной популярностью у наших клиентов.

– Спасибо...

Ева вздохнула с облегчением, когда Фадееву позвали и она, извинившись, удалилась. Эта дама неопределенного возраста, сплюснутая, словно засохший побег заморского растения, так пристально, изучающе рассматривала Еву, что той стало не по себе.

Стряхнув неприятное оцепенение, она поспешила к массажному кабинету, откуда доносился запах благовоний.

Ольга Лузина оказалась довольно бесцветной особой лет тридцати, одетой в расшитое драконами трико. Ее волосы были убраны в пучок, заколотый двумя длинными шпильками с блестящими шариками на концах.

Наверное, она являлась отличным профессионалом, иначе, учитывая внешние данные, Неделина не взяла бы ее на работу. Даже «сушеная» Фадеева выглядела по-своему пикантно, как китайская принцесса, которая состарилась и съежилась в ожидании достойного жениха.

В полукруглом массажном кабинете витал ароматный дымок, стены были украшены ткаными панно, изображающими сцены старинного массажа. В нишах стояли алебастровые курильницы, а пол покрывали плетеные коврики.

– Вы на массаж? – спросила Лузина, поправляя торчащие из прически шпильки.

– Я бы хотела поговорить...

– Присаживайтесь, – указала хозяйка кабинета на сиденье без спинки, напоминающее твердую подушку.

Ева робко села.

– У меня боли в спине, – соврала она. – Хочу проконсультироваться у специалиста.

– Какого рода боли?

Слово за слово, они разговорились. Ева намекнула, что боли появились у нее после развода с мужем. Такая откровенность расположила Лузину к посетительнице.

– Я не хочу выходить замуж, – сказала она. – От этого столько проблем... Женщины просто губят себя, вступая в брак.

Лузина была убежденной противницей брака, что при ее внешности являлось вынужденной позицией. Ей исполнилось тридцать два года, и до сих пор ни один мужчина не пожелал на ней жениться.

Ева ухватила за ниточку недовольства сильным полом и незаметно подвела разговор к истории с привидением.

– Мужчины такие эгоисты, – сказала она. – Я слышала, одна ваша сотрудница покончила с собой из-за неразделенной любви... Неужели это правда?

– Люди умирают по разным причинам, – уклонилась Лузина от прямого ответа. – Хотя... этот самодовольный Кутайсов ходит гоголем как ни в чем не бывало, а Зиночки больше нет с нами.

Она отвернулась, скрывая выступившие на глазах слезы. На самом деле ей было жаль вовсе не Зиночку, а саму себя. Она не знала Губанову и видела ее только на фотографиях, потому что устроилась на работу в салон «Лотос» около года назад, чуть позже напумевшего происхождения.

– Знаете, я тут послушала, о чем шепчутся женщины в раздевалке, и пришла в ужас, – понизила голос Ева. – Они говорят... будто эта... погибшая танцовщица теперь бродит по салону... в виде призрака!

– Если она преследует Аркадия, то поделом ему! – в сердцах сказала Лузина и тут же спохватилась.

Осуждение других сотрудников в присутствии клиенток считалось недопустимым.

– Извините, – смешалась она. – Это меня не касается. Просто Зину жалко. Она была красивой женщиной... а судьба оказалась к ней жестока. Почему так происходит?

Ева пожала плечами. Она сама была не прочь получить ответ на этот вопрос.

– Вы хоть раз видели... привидение? – прошептала она.

– Нет, – скривилась Лузина. – По-моему, это все выдумки слишком впечатлительных женщин. Кое у кого нервы расшатались. И немудрено...

Наверное, она имела в виду, что, состоя в браке, редко какая женщина не становится истеричкой или невротиком.

Из массажного кабинета Ева вышла слегка разочарованной. Ей не хотелось, чтобы страшная история о «красной танцовщице» оказалась вымыслом. Она успела проникнуться ее мистической аурой, поддаться ее влиянию. Призрак отвергнутой возлюбленной приходит, чтобы отомстить равнодушному Ромео. Разве это не романтично?

Ева так увлеклась, что чудом не опоздала на урок испанского. Вылетев из салона, она вихрем промчалась мимо нищего, который даже не посмел к ней привязаться со своим нытьем. Он понял, что дама спешит.

Несколько такси проехали мимо Евы, и только пятая машина остановилась.

– На Таганскую? – недовольно спросил водитель. Видимо, ему было не по пути. – Ладно, садитесь.

Ева плюхнулась на заднее сиденье, она все еще не могла отдышаться.

– Нельзя ли побыстрее? Я опаздываю...

– Успеем, – сказал водитель, как будто он знал, к какому часу Еве надо быть на месте.

Они успели. Ева заплатила, бросила на ходу: «Сдачи не надо!» – и побежала к подъезду. Лифт, как назло, не работал, пришлось подниматься пешком. Хорошо, хоть этаж третий. Уже у двери Ева остановилась, несколько раз глубоко вздохнула, поправила растрепавшиеся волосы. Негоже, чтобы преподаватель являлся на занятие красный, запыхавшийся и всклокоченный.

Глава 8

– Что-то случилось?

Неделина выглядела взволнованной. Она обрадовалась появлению сыщика, надеясь, что он развеет ее опасения.

– Случилось. Не знаю, как вы посмотрите на это событие, возможно, сочтете меня паникершей...

– Говорите, Варвара Несторовна.

Она нервно повела плечами.

– Понимаете, обычно я прихожу на работу часам к девяти, но сегодня я опоздала. В мое отсутствие с посетительницами салона беседует Скоков, администратор. Это входит в его обязанности. У него есть вторые ключи от моего кабинета. В сущности, мне нечего прятать... ценностей я там не держу, так что...

Неделина запнулась.

– Продолжайте.

– Не торопите меня! Я... не могу так сразу... Когда я подошла к кабинету, он был открыт. Видимо, Терентий разговаривал с кем-то и...

– То есть вы не знаете точно, кто побывал в кабинете?

– Нет. – Неделина опустила глаза. – Я не успела спросить. То, что я там увидела... на столе... повергло меня в шок! Мне было не до Скокова. Я позвонила вам, чтобы посоветоваться... чтобы... Только не принимайте меня за слабонервную даму, которая из мухи делает слона.

– Что вы увидели?

– Цветок... На моем столе лежал... лотос. Такие растут в нашем искусственном водоеме. Саша Мозговой, садовник, приложил немало труда, выращивая их. Мелкие розоватые лотосы... Кто-то сорвал цветок и положил на мой стол!

– Что же вас испугало? – удивился сыщик. – Один из сотрудников хотел сделать вам приятное. Разве вы не любите цветы?

– Люблю... Не в этом дело! У лотоса был оторван лепесток. Он лежал рядом с цветком... точно так же, как тогда... в тот день.

– Оторван лепесток? Случайность. Лепестки же не приделаны к цветку намертво, иногда они отрываются.

– Вы не понимаете! – рассердилась Неделина. Она была прекрасна в своем царственном гневе. Ее «глаза валькирии» сверкали, готовые испепелить бестолкового вассала. – Лепесток оторвали нарочно... это намек.

– Намек на что?

– На что-то ужасное... Точно такой же лотос с оторванным лепестком я нашла на своем столе в тот день, когда... Зинаида Губанова танцевала свой последний танец. Я не придавала этому значения, сочтя случайностью. Но сегодня... когда я увидела... меня словно током пронзило. Цветок предупреждает о новом несчастье!

– Помилуйте, Варвара Несторовна! – возразил Смирнов. – Ничто еще не доказывает предыдущего несчастья, а вы уже говорите о следующем.

– Нет-нет... с того дня, как мы осуществили этот дурацкий розыгрыш, произошло что-то необъяснимое, страшное. Зинаида как в воду канула, а... привидение, эта «красная танцовщица»... продолжает появляться! Вам удалось что-нибудь выяснить?

Смирнов пожал плечами.

– Совсем немного. Соседи считают Губанову умершей. Они даже видели, как гроб с ее телом... – он усмехнулся, – ...или без тела вынесли из квартиры, погрузили в катафалк и

увезли. Это сделала женщина, назвавшаяся подругой Зинаиды. Я побывал в адресном бюро, в жэке, в паспортном столе, в поликлинике по месту жительства – нигде смерть Губановой не зафиксирована. То есть официально она жива.

– Ну да... – согласно кивнула Варвара. – А как же иначе? Мы все продумали. Никто ведь не стал бы наводить справки... Главное – создать видимость смерти. Зинаида должна была закрыть квартиру и переехать на время к подруге. Изредка она приезжала бы в Москву, показываясь бы в салоне в образе призрака. А потом, когда легенда утвердилась бы и привидение заняло достойное место среди достопримечательностей «Лотоса», стало его традицией, все уладилось бы наилучшим образом. Я обещала помочь Губановой обменять квартиру, подыскать место хореографа в другом районе города и деньгами бы не обидела. Она согласилась... Не представляю, что могло заставить ее изменить планы!

– Квартиру она закрыла и не платит за нее больше года, – сказал Смирнов. – И в образе привидения исправно появляется. А живет, вероятно, у подруги в Мытищах, как и было условлено. Жаль, что у вас нет адреса этой подруги.

– Да, жаль... Но почему же Губанова не является за деньгами, не приходит на встречи?

– На этот вопрос я пока не готов ответить. Уверен, что объяснение существует. Кстати, вы сами видели «красную танцовщицу»?

Неделина тяжело вздохнула.

– Иногда мне кажется, что одна я ее и вижу. Да еще Дуся, наша уборщица. Остальные только передают друг другу слухи и шарахаются от каждой тени. У страха глаза велики. Но мы с Зинаидой так и договаривались, чтобы все было... издали и будто невзначай – промелькнуть в окне, появиться в темном конце коридора... словом, всячески избегать разоблачения. Не может же призрак открыто разгуливать по салону – помещение у нас небольшое, обман сразу был бы обнаружен.

– Ясно. А кто-нибудь, кроме вас, Губановой и Марианны Былинской, знал о розыгрыше? Ведь сначала вы представили эту идею всему коллективу?

Варвара задумалась.

– Сначала – да. Но никто не воспринял предложение всерьез, а потом о нем забыли.

– Так уж и забыли!

– Если и нет, при чем тогда все эти странности? Допустим, кто-то не поверил и знает, что «красная танцовщица» – ловко подстроенный обман. Поведения Зинаиды это не объясняет. И потом... этот цветок, лотос с оторванным лепестком... такую деталь мы не оговаривали.

Сыщик вынужден был согласиться, что логики в происходящем мало.

– Могла Губанова сама рассказать кому-нибудь из сотрудников о ваших планах?

– Все возможно, – вздохнула Неделина. – И Губанова, и Былинская – обе могли проболтаться. Вы думаете, кто-то знает обо всем и продолжает игру по своим правилам? Но зачем?

– Развлекается.

– Неубедительно. Остается вопрос – почему Зинаида не звонит? Я тогда вручила ей достаточную сумму денег, которых должно было хватить на все, и на пополнение счета на мобильном телефоне в том числе. Почему она... Впрочем, я все о том же. Найдите ее!

– Пытаюсь, – сказал Смирнов. – Пока не получается. А где вы обсуждали детали операции?

– У меня в кабинете, – ответила Неделина. – Вы полагаете, кто-то мог подслушать наши разговоры? Вряд ли. Мы оставались вдвоем поздно вечером, после работы, когда другие сотрудники и клиентки расходились по домам.

– Людям свойственно любопытство...

– Я повторяю, – чуть повысила голос хозяйка салона. – Допустим, кто-нибудь из сотрудников подслушивал. И что? Как этот факт объясняет все остальное?

– Не знаю. Но я должен отработать все версии, – примирительно улыбнулся Всеслав.

– Да, конечно. Простите...

Неделина смутилась своей несдержанности, закусила губу. Губы у нее были красивой формы, гладкие и блестящие от помады.

– Что вы думаете о лотосе? – после некоторого молчания спросила она.

Он покачал головой.

– Ничего. Если это намек, то на что? Новых розыгрышей у вас не намечается?

– Нет, упаси боже. Хватит! – испугалась Неделина. – А цветок... подбросили не случайно. Я уверена. И тогда, и сейчас!

Всеславу было жарко. Когда он напряженно размышлял, по телу словно начинал разливаться огонь.

– Хотите воды? – предложил он Варваре.

Нейтральный вопрос разрядил обстановку. Неделина расслабилась, улыбнулась.

– Пожалуй.

Официантка принесла им бутылку ледяной минералки и два стакана.

Солнце нагрело пол открытой террасы, пластиковые столы и стулья. Стояло безветрие. Листва на деревьях не шевелилась, от асфальта шел жар.

– Кто имел доступ в ваш кабинет? – утолив жажду, вернулся к разговору Смирнов.

– В принципе любой сотрудник. Все знали, что на протяжении рабочего дня кабинет открыт. Я могу входить, выходить... У нас все основано на доверии. Нельзя в элитном салоне для состоятельной клиентуры закрывать помещения на ключ, кроме кладовых, разумеется. Этим мы можем оскорбить наших посетительниц.

– Вы правы, – согласился сыщик. – Значит, войти и принести цветок могли не только сотрудники, но и клиентки?

– Получается, так.

– Непростую задачу вы передо мной поставили, Варвара Несторовна. Разрешите нескромный вопрос?

Неделина слегка вздрогнула, или ему показалось? Однако она переборола себя и кивнула:

– Спрашивайте.

– Нет ли у вас в салоне... тайного поклонника? Мужчины, который равнодушен к вам и может оказывать знаки внимания?

Она ответила слишком поспешно и безапелляционно:

– Нет, ни в коем случае. Я замужем... И вообще, считаю подобные вещи недопустимыми. Особенно на работе!

По тому, как покраснело ее лицо и засверкали глаза, Всеслав понял, что попал в точку. Тайный воздыхатель есть, и Варвара тщательно скрывает его существование. Или же все обстоит наоборот. Тайный воздыхатель – сама Неделина! Царицы – тоже женщины.

Смирнов налил себе еще воды и медленно выпил, давая ей время прийти в себя.

– Ваш муж знает? – намеренно неопределенно спросил он.

– Что?! – испуганно дернулась Варвара. – Ему нечего знать! Я... Налейте мне воды.

Самообладание изменило ей. Невинный вопрос о поклоннике вызвал шквал эмоций, куда более сокрушительный, чем вся предыдущая беседа.

– Я имею в виду ситуацию, сложившуюся вокруг Зинаиды Губановой, – как ни в чем не бывало уточнил сыщик, наслаждаясь ее растерянностью.

Ева не похвалила бы его за такое поведение. Она встала бы на сторону Неделиной, и они вдвоем посрамили бы нахала. Но хозяйке салона сейчас было не до нападок. Ее мысли пришли в лихорадочное возбуждение, пытаясь отыскать достойное оправдание.

– Я... не посвящаю Ивана в свои неприятности, – справившись с волнением, сказала она. – Это мои проблемы, и я буду решать их самостоятельно. Муж и так много для меня сделал... Он имеет право на покой и отдых.

– Хорошо. Тогда вернемся к мнимой смерти танцовщицы, – пощадил ее Смирнов. – Гроб, катафалк, подруга, которая взяла на себя похоронные хлопоты, – все это тоже входило в ваши планы?

– Д-да... – сквозь зубы выговорила Неделина. – Вам кажется это чудовищным, циничным?

– Отчасти, – признался Всеслав. – Дичайшая затея, извините за откровенность.

– Теперь вам понятно, почему я скрываю это от мужа?

Сыщик кивнул. Он бы тоже не решился признаться в подобном. Сам заварил кашу, сам ее и расхлебывай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.